Master Negative Storage Number

OCI00054.04

Senigov, I. P.

Liubimyi voevoda russkago naroda

Moskva

1905

Reel: 54 Title: 4

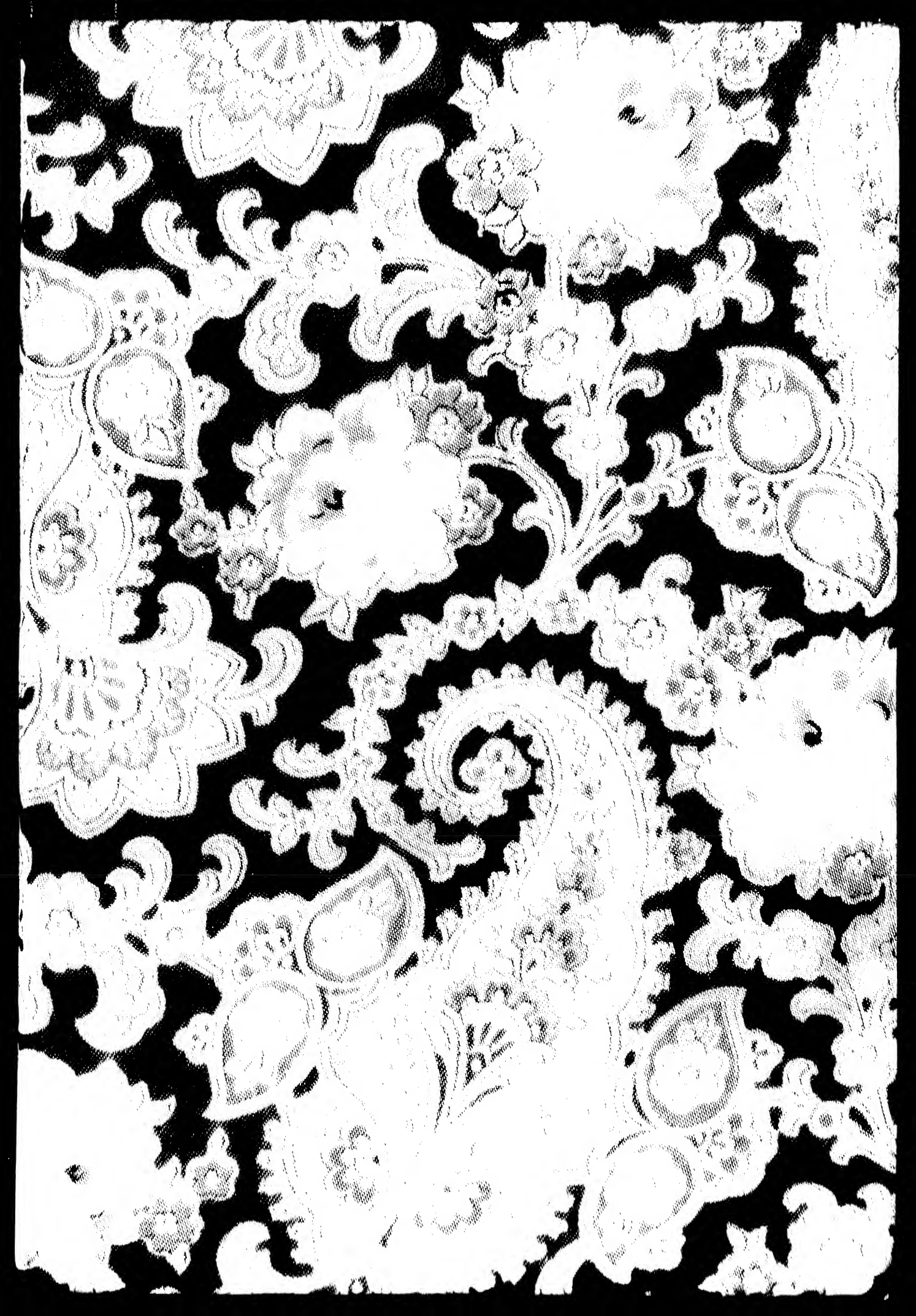
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.04

Control Number: BGN-5943
OCLC Number : 25067098
Call Number : W 381.5917N Se57L
Author : Senigov, I. P. (Iosif Petrovich), b. 1859.
Title : Liubimyi voevoda russkago naroda kniaz' Mikhail Vasil'evich Skopin-Shuiskii / sostavil I. Senigov.
Imprint : Moskva : Izdanie T-va I. D. Sytina, 1905.
Format : 132 p. : ill. ; 22 cm.
Note : Colored illustrations on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Russia History 1533-1613.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR



W 45

ЛЮБИМЫЙ ВОЕВОДА РУССКАГО НАРОДА

КНЯЗЬ

М. В. Скопинъ Шуйскій

W381.5917N Se57L

ЛЮБИМЫЙ ВОЕВОДА РУССКАГО НАРОДА

КНЯЗЬ

Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Составилъ
І. Сениговъ.

Съ рисунками.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Дозволено цензурою. Москва, 23 марта 1905 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА. — 1905.

Любимый воевода русскаго народа князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

I.

Много тяжелыхъ испытаній посылала судьба-мачеха русскому народу въ теченіе его многовѣковой жизни. Немало бѣдствовали наши древнѣйшіе предки въ печальныя времена княжескихъ междоусобій, когда происходила упорная борьба между древнерусскими князьями—кіевскими, черниговскими, смоленскими, новгородскими и суздальскими; всѣ они стремились занять великокняжескій столъ, находившійся сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ—во Владимирѣ; по выраженію современнаго имъ поэта, „горемъ поросла тогда русская земля“.

Не меньше бѣдствовалъ русскій народъ, когда изнемогалъ подъ тяжелымъ гнетомъ монгольскаго ига (то-есть зависимости русскихъ отъ татаръ), продолжавшагося болѣе двухъ вѣковъ.

Но никогда умъ и сердце русскаго человѣка не были такъ смущены и онъ самъ не былъ такъ огорченъ, какъ въ печальныя и роковыя времена „Лихолѣтья“, такъ называлась въ старину эпоха Смутнаго времени, продолжавшаяся отъ кончины царя Ѳеодора Ивановича, сына Ивана Грознаго (въ 1598 г.), до воцаренія дома Романовыхъ (въ 1613 г.), въ лицѣ царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Особенно смущало и огорчало русскій народъ прекращеніе династіи (то-есть великокняжескаго рода) московскихъ государей, которые вели свое происхожденіе отъ древнѣйшаго русскаго князя Рюрика; къ ихъ справедливой и могущественной власти такъ привыкло населеніе московской Руси. У нашихъ предковъ вѣками складывалась увѣренность въ то, что никакіе внѣшніе и внутренніе враги не одолѣютъ „святую Русь“, пока защитниками народа будутъ славные потомки древнѣйшихъ московскихъ князей.

И вдругъ съ убіеніемъ царевича Димитрія (въ 1591 г.) и со смертію царя Ѳеодора Ивановича (въ 1598 г.) прекращается старинный родъ московскихъ государей, съ такимъ успѣхомъ отражавшихъ нападенія западныхъ, южныхъ и восточныхъ враговъ древней Руси.

Тяжелыя испытанія, выпавшія на долю русскаго народа въ печальныя времена „Лихолѣтья“, причиняли ему еще больше душевныхъ страданій и огорченій и приводили его умъ и сердце въ еще большее смущеніе, благодаря нѣкоторымъ недоб-

рымъ дѣяніямъ преемниковъ Ѳеодора Ивановича: Бориса Годунова, самозванца (Лжедимитрія I) и В. И. Шуйскаго. Царь Борисъ немало заботился о благополучіи жителей московскаго государства, имѣя постоянное попеченіе о бѣдныхъ и нищихъ, о вдовахъ и сиротахъ, о доставленіи имъ всего необходимаго, особенно во время голода и пожаровъ. Но простой народъ не могъ простить царю Борису того тяжкаго преступленія, какимъ представлялось его современникамъ убіеніе царевича Димитрія (въ 1591 г.) и ссылка въ далекій монастырь на Выксу (близъ Череповца) его матери — Маріи Нагой (послѣдней жены Ивана Грознаго, которая пользовалась его симпатіей).

По словамъ одного стариннаго сказанія, правитель Борисъ Годуновъ пытался сначала отравить царевича Димитрія; но видя, что Богъ не позволяетъ яду подѣйствовать, онъ сталъ подыскивать чрезъ пріятеля своего Клешнина такихъ людей, которые согласились бы убить царевича Димитрія. Сперва это было предложено Ченчугову и Загряжскому, но они отказались. Согласился одинъ только Битяговскій. Однажды, когда сообщница Битяговскаго, мамка Волохова, вѣроломно вывела царевича гулять на крыльцо, убійца Волоховъ подошелъ къ нему и спросилъ его:

— Царевичъ, у тебя новое ожерелье?

— Нѣтъ, старое, — отвѣчалъ ребенокъ и, чтобы показать ожерелье, поднялъ головку.

Въ тотъ моментъ Битяговскій ударилъ царевича ножомъ по горлу, но ударилъ неудачно. Корми-

лица Жданова, бывшая при царевичѣ, бросилась защищать ребенка, но Битяговскій и Качаловъ избили ее, а затѣмъ окончательно зарѣзали царевича.

Народъ смущала также вѣчная боязнь и подозрительность царя Бориса, происходившіе при немъ доносы на бояръ, а также тайныя убійства и ссылки лучшихъ представителей московскаго боярства, какъ, напримѣръ, Романовыхъ. Старшій и самый даровитый изъ нихъ, Ѳеодоръ Никитичъ (отецъ царя Михаила Ѳеодоровича), былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета.

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на народъ нѣкоторыми недобрыми дѣяніями царя Бориса, усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ его царствованіе нашихъ предковъ постигли страшныя бѣдствія — голодъ и моровое повѣтріе. Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло народу болѣе 100.000.

Немалое смущеніе испытывали также наши предки — современники Лжедимитрія I, когда въ московскомъ государствѣ разнесся слухъ, что царевичъ Димитрій живъ и идетъ въ Москву. Сначала народъ очень обрадовался, вѣря въ возможность чудеснаго избавленія царевича отъ угрожавшей ему опасности и твердо уповая на то, что Димитрій будетъ походить на своихъ славныхъ предковъ — московскихъ великихъ князей и государей. Но велико было смущеніе и огорченіе народа, когда самозванецъ, по смерти Бориса Годунова (въ 1605 г.), сѣвъ на московскій пре-

столъ, женился на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ и привелъ съ собою изъ Польши многихъ католиковъ-поляковъ; они же, пользуясь расположеніемъ къ себѣ царя, стали позволять себѣ всякія насилія и оскорбленія въ отношеніи къ мирнымъ жителямъ города Москвы.

Смущенію народа не было конца, когда онъ замѣтилъ, что самозванецъ съ презрѣніемъ относится къ стариннымъ обычаямъ московскихъ государей: не спалъ послѣ обѣда, а вмѣсто этого запросто бродилъ по Москвѣ; не умѣлъ онъ также держать себя и по православному обычаю: не посѣщалъ храмовъ, любилъ самъ одѣваться, по-польски одѣвалъ свою стражу, водился съ поляками и очень ихъ любилъ; по выраженію современниковъ самозванца, отъ него пахло ненавистнымъ Москвѣ латинствомъ и Польшей.

17 мая 1606 года князь Василій Ивановичъ Шуйскій вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ и другими своими приверженцами, въ присутствіи собравшагося народа, объявили царя (Лжедимитрія I) самозванцемъ, и онъ былъ убитъ въ ночь съ 17 мая.

„Истинный царевичъ“ (такъ величалъ Лжедимитрія I народъ), котораго еще такъ недавно трогательно встрѣчали и спасенію котораго такъ радовались, сдѣлался разстригой, еретикомъ и „польскимъ свистуномъ“.

Самозванцемъ и дерзкимъ обманщикомъ былъ признанъ тотъ, котораго недавно царица Марія Нагая, вдова Ивана Грознаго, признала своимъ

сыномъ. Ясно, что царская вдова Марія (въ постриженіи Мареа) относилась съ такою нѣжною любовію къ самозванцу потому только, что надѣялась путемъ подобнаго всенароднаго притворства и обмана возстановить свое прежнее положеніе царской матери, о чемъ она мечтала въ угличскомъ заточеніи. Могли ли, спрашивается, сердце и умъ русскаго человѣка оставаться безмятежными и спокойными, когда онъ убѣждался, что сама царица — вдова столь почитаемаго имъ царя Ивана Грознаго — могла прибѣгнуть къ обману для возстановленія своего прежняго положенія царской матери?

Не могла также отдохнуть и успокоиться смущенная душа русскаго народа и въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго (1606—1610 г.), которому обманъ и клятвопреступленіе представлялись не тяжкимъ грѣхомъ, а самымъ обычнымъ средствомъ для достиженія той или другой цѣли. Еще въ 1591 году князь Василій Ивановичъ Шуйскій утверждалъ невиновность Бориса Годунова въ смерти царевича Димитрія, а въ 1605 г., послѣ смерти Годунова, объявилъ передъ народомъ что царевичъ убитъ не былъ, и, признавъ самозванца Димитріемъ, этимъ самымъ вызвалъ сверженіе Годуновыхъ. Но едва Лжедимитрій былъ признанъ Москвою, какъ Шуйскій сталъ во главѣ заговора противъ него, объявляя Лжедимитрія самозванцемъ.

Сѣвъ на московскій престолъ, царь Василій Шуйскій возбудилъ великое неудовольствіе въ

народѣ и вызвалъ въ немъ смущеніе больше прежняго тѣмъ, что, уступая желанію московскаго боярства, рѣшилъ ограничить самодержавную власть московскихъ государей въ пользу бояръ. Простой народъ, столько терпѣвшій отъ произвола ихъ правленія во время малолѣтства Ивана Грознаго и раньше, смотрѣлъ на бояръ, какъ на своихъ старинныхъ недруговъ. Поэтому усиленіе власти и значеніе Боярской Думы, путемъ ограниченія власти московскихъ самодержцевъ, въ глазахъ простого народа являлись нарушеніями стародавняго обычая, освященнаго вѣками.

Царь Василій подписалъ крестоцѣловальную запись. Главнымъ содержаніемъ этой записи является то положеніе, что царь Василій Шуйскій не имѣетъ власти никого лишить жизни безъ приговора Боярской Думы и обязывался не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ.

Ограничивая, такимъ образомъ, самодержавную власть московскихъ государей въ пользу бояръ, царь Василій тѣмъ самымъ переставалъ быть заступникомъ простого народа. Всякая челобитная (то-есть прошеніе или жалоба), заключавшая въ себѣ доносъ на произволъ бояръ и на ихъ злоупотребленія своею властью, попадала обыкновенно въ руки бояръ, обязанныхъ провѣрять доносы тщательнымъ слѣдствіемъ, и челобитчики (то-есть жалобщики) почти всегда оказывались неправыми.

Не могли не смутить народъ грамоты, посланныя въ различные города московской Руси ца-

ремъ Василіемъ Шуйскимъ отъ своего имени, отъ имени бояръ и отъ имени царицы Маріи Нагой. Въ этихъ грамотахъ, между прочимъ, утверждалось, что свергнутый царь (то-есть Лжедитрій I) былъ самозванецъ. Подобное утвержденіе не согласовалось со всенароднымъ заявленіемъ, сдѣланнымъ годъ тому назадъ княземъ В. И. Шуйскимъ и царицей Маріей Нагой (т.-е. инокиней Марѳой), когда они завѣряли всѣхъ, что самозванецъ есть „истинный царевичъ Димитрій", жившій съ нею, Маріею Нагою, въ Угличѣ. Въ своихъ грамотахъ царь Шуйскій называлъ свергнутаго царя Димитрія Гришкою Отрепьевымъ, а инокиня Марѳа сознается въ нихъ, что Гришка Отрепьевъ устрашилъ ее угрозами и что она признала его „истиннымъ царевичемъ страха ради".

Читая или слушая грамоты, разосланныя царемъ Василіемъ, русскіе люди, особенно простой народъ, не знали, чему надо больше придавать вѣры: тому ли, что было говорено раньше княземъ Шуйскимъ и царицею Маріей Нагой, или тому, что было написано въ грамотахъ царя Василія. Чтобы разсѣять по возможности смущеніе и сомнѣнія, родившіяся вполнѣ естественно въ легковѣрныхъ головахъ и сердцахъ москвичей, царь В. И. Шуйскій приказалъ 3 іюня 1606 года, вскорѣ по вступленіи на престолъ, торжественно переносить мощи царевича Димитрія изъ Углича въ Москву, въ Архангельскій соборъ, обращая, такимъ образомъ, религіозное торжество въ сред-

ство убѣдить московское населеніе въ справедливости того, что было имъ сказано въ разосланныхъ грамотахъ о самозванствѣ свергнутаго царя Лжедимитрія.

Такъ какъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ посаженъ на московскій престолъ не всѣмъ народомъ, а толпою своихъ пріятелей и приверженцевъ, то населеніе московскаго государства, признавая его царемъ, не считало его своимъ царемъ, не чувствуя въ отношеніи къ нему той симпатіи, которая одна въ состояніи сообщить власти несокрушимую силу. Поэтому-то съ перваго же дня царствованія Шуйскаго началась смута.

Еще не успѣли убрать съ Красной площади трупъ Лжедимитрія I, какъ разнесся слухъ, даже въ самой Москвѣ, какъ это ни кажется страннымъ, что убили во дворцѣ не Димитрія, а кого-то другого.

Князь Григорій Шаховской, приверженецъ Лжедимитрія, сосланный за это на воеводство въ Путивль, объявилъ въ этомъ городѣ, что Димитрій живъ, и сразу поднялъ противъ Шуйскаго весь городъ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе города сѣверскіе, между прочимъ, Елецъ и Черниговъ.

Когда царскія войска, посланныя усмирять мятежные города, были разбиты мятежниками, то къ движенію противъ царя Шуйскаго на югѣ примкнули и другіе города, въ числѣ ихъ Тула и Рязань. Дальше возникли безпорядки въ городахъ, расположенныхъ по Волгѣ, а также въ Перми и

Вяткѣ, гдѣ открыто бранили Шуйскаго и сочувствовали Димитрію, котораго считали живымъ. Во многихъ мѣстностяхъ поднимались крестьяне и холопы. Заодно съ крестьянскими шайками дѣйствовали инородцы (черемисы, мордва и другіе), которые обрадовались случаю сбросить съ себя подчиненіе русскимъ.

Между тѣмъ съ княземъ Григоріемъ Шаховскимъ соединился Иванъ Болотниковъ. Жизнь этого человѣка полна приключеній: онъ былъ холопомъ черниговскаго начальника, князя Телятевскаго, какъ-то попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, былъ проданъ туркамъ и нѣсколько лѣтъ работалъ въ Турціи на галерахъ. Затѣмъ, неизвѣстно какъ, освободился оттуда и попалъ въ Венецію. Изъ Венеціи онъ пробрался черезъ Польшу на Русь, но въ Польшѣ былъ задержанъ. Одинъ изъ приверженцевъ самозванца, Михаилъ Молчановъ, послалъ его въ Путивль къ князю Шаховскому.

Князь Шаховской принялъ Болотникова хорошо и поручилъ ему цѣлый отрядъ. Болотниковъ скоро нашелъ легкое средство увеличить свой отрядъ. Онъ сталъ призывать подъ свои знамена всѣхъ гулящихъ людей: разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, холопей, бѣжавшихъ на Украйну, именемъ несуществующаго Димитрія обѣщалъ имъ прощеніе и льготы.

Разсылая свои грамоты и своихъ приверженцевъ, Болотниковъ вездѣ, гдѣ могъ, поднималъ простой народъ не только противъ царя Василія Шуйскаго, но и противъ бояръ.

При первой встрѣчѣ Болотникова съ царскими войсками у Ельца и Кромъ, побѣда осталась на его сторонѣ, и это очень подѣйствовало на успѣхъ возстанія въ южной половинѣ московскаго государства. Поднялись противъ царя Василія города Тула, Веневъ, Кашира, Орелъ, Калуга и Вязьма. Въ городѣ Рязани, гдѣ народное движеніе, руководимое братьями Ляпуновыми, проявилось съ особенной силой, а также въ Тулѣ очень скоро составились ополченія противъ Шуйскаго. На пути къ Москвѣ эти ополченія соединились съ шайками Болотникова, которыя разорили немало боярскихъ вотчинъ.

Подойдя къ Москвѣ, соединенныя ополченія мятежниковъ остановились въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе царя Василія Шуйскаго стало крайне опаснымъ; вся южная половина государства была противъ него, и мятежныя войска осаждали его въ Москвѣ. Не только для подавленія возстанія, но и для защиты Москвы у него не было войска. Въ самой Москвѣ недоставало хлѣба, такъ какъ подвозъ его былъ прекращенъ мятежниками; тамъ открылся голодъ. Но на этотъ разъ царя Василія спасла рознь, которая возникла между рязанскими и тульскими ополченіями, съ одной стороны, и шайками Болотникова — съ другой. Грабежи и разбои, производимые Болотниковскими шайками, отшатнули рязанскихъ и тульскихъ ополченцевъ отъ единенія съ ними и побудили ихъ (то-есть ополченцевъ) перейти на сторону Шуйскаго. Тогда же на помощь москов-

скому царю подоспѣли ополченія изъ Твери, Смоленска, и положенія царя Василія Шуйскаго стало болѣе безопаснымъ. Онъ сталъ уговаривать Болотникова отстать отъ воровства и разбоя; но Болотниковъ побѣжалъ на югъ, подошелъ къ Серпухову и, узнавъ, что тамъ мало запасовъ, на случай осады, ушелъ въ Калугу, а оттуда—въ Тулу и засѣлъ въ ней вмѣстѣ съ казачьимъ самозванцемъ Петромъ. Лжепетръ выдавалъ себя за сына царя Ѳеодора, родившагося будто бы въ 1592 году, но въ дѣйствительности никогда не существовавшаго. Когда Лжепетръ узналъ о гибели царевича Димитрія, онъ сошелся съ княземъ Шаховскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на соединеніе съ Болотниковымъ. Такимъ образомъ, Тула стала центромъ движенія противъ Шуйскаго.

Однако, ни Шаховской ни Болотниковъ не удовольствовались Лжепетромъ и, какъ прежде, хлопотали о самозванцѣ, способномъ замѣнить убитаго Лжедимитрія. Такой, наконецъ, явился, хотя и не успѣлъ соединиться съ ними.

Весною 1607 года царь Василій рѣшился дѣйствовать противъ мятежниковъ энергично, осадилъ Тулу, стоялъ подъ нею цѣлое лѣто, устроилъ плотину на рѣкѣ Упѣ, затопилъ весь городъ и выморилъ мятежниковъ голодомъ.

Въ октябрѣ 1607 года Тула сдалась царю Василію. Болотниковъ былъ сосланъ въ Каргополь и утопленъ; Шаховского сослали въ пустыню на Кубенское озеро, а Лжепетра повѣсили. Шуйскій

съ торжествомъ вернулся въ Москву, но недолго пришлось ему праздновать побѣду.

Въ то время, когда Шуйскій заперъ Болотникова въ Тулѣ, явился второй Димитрій самозванецъ, прозвищемъ „воръ". Кто онъ былъ — неизвѣстно. Толковали о немъ разно: одни говорили, что это поповъ сынъ изъ Сѣверской стороны; другіе называли его дьячкомъ, третьи — царскимъ дьякомъ и т. д. Впервые его слѣдъ появился въ Пропойскѣ (порубежномъ литовскомъ городѣ), гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Чтобы выбраться оттуда, онъ объявилъ себя родственникомъ Нагихъ и просилъ, чтобы его отпустили на Русь, въ Стародубъ. Добравшись до Стародуба, онъ посылаетъ оттуда какого-то своего пріятеля по Сѣверской сторонѣ (городъ Новгородъ-Сѣверскъ находился къ сѣверовостоку отъ гг. Чернигова и Кіева) объявлять, что царевичъ Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Стародубцы увѣровали въ самозванца и стали помогать ему деньгами и разсылать о немъ грамоты въ другіе города. Вокругъ вора скоро собралась дружина, состоявшая изъ польскихъ искателей приключеній, казачества и всякихъ проходимцевъ.

Для казачества и для польскихъ выходцевъ самозванецъ былъ простымъ предлогомъ для прикрытія ихъ личныхъ выгодъ, ихъ корыстныхъ стремленій къ незаконной наживѣ, къ воровству. Поэтому значительная часть казачества и поляковъ смотрѣла на стародубскаго вора, какъ на простого вожака хищныхъ шаекъ двухъ національностей: русской и польской.

Набравъ достаточно народа, воръ выступилъ въ походъ на Русь; при Волховѣ разбилъ царское войско, подошелъ къ самой Москвѣ и въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ (откуда явилось прозвище „тушинскаго вора") основалъ свой укрѣпленный станъ. Его успѣхъ привлекалъ къ нему новыя силы: одна за другой приходили къ нему казацкія шайки; одинъ за другимъ приводили польскіе выходцы свои дружины, не обращая вниманія на запрещеніе короля.

Во главѣ искателей приключеній, охотно шедшихъ къ Лжедимитрію II и отличавшихся своею дерзостью и безцеремонностью, нельзя не поставить Лисовскаго и Яна Сапѣгу.

Тревожно было положеніе Москвы и всего московскаго государства. Народъ былъ крайне смущенъ и рѣшительно не зналъ, вѣрить ли новому самозванцу, котораго признала, между прочимъ, жена Лжедимитрія I, Марина Мнишекъ, или же остаться при Шуйскомъ, котораго не за что было любить. У самого царя Василія Шуйскаго было мало средствъ и людей для борьбы.

Южная часть государства была уже разорена во время войнъ, какія вели московскіе государи въ теченіе всего XV вѣка, особенно второй его половины; въ ней (т.-е. въ южной части) хозяйничали враги его; въ сѣверной части государства они хотя еще не укрѣпились, но уже бродили и имѣли на нее виды.

Не сѣверныя области могли помочь царю Василію; онъ долженъ былъ ихъ защищать, а на

Болотниковъ передъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ.

это у него не было силъ. Сѣверныя области, будучи самыми богатыми, представляли лучшую часть государства; въ нихъ мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествіями; ничто не мѣшало значительному развитію торговой дѣятельности среди мѣстнаго населенія, отличавшагося преданностью мирнымъ выгоднымъ занятіямъ.

Въ Тушинѣ понимали, что на лучшую добычу можно разсчитывать именно на сѣверѣ и отправляли туда отдѣльные отряды. Царь Василій думалъ преградить имъ путь туда, но братъ его, Иванъ, былъ разбитъ Сапѣгой, и дорога на сѣверъ стала открытой. На этой дорогѣ находился важный въ военномъ отношеніи пунктъ, это — Троицкій монастырь. Тушинцы и обратились прежде всего на него. Положеніе монастыря было тогда не безопасно, потому что защитниковъ у него имѣлось мало, и опорой ему служили лишь крѣпкія стѣны да личная храбрость гарнизона (т.-е. воиновъ, на обязанности которыхъ была защита крѣпости). Число защитниковъ состояло всего изъ 1500 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и способныхъ къ бою монаховъ. Этому отряду сборнаго войска пришлось бороться съ цѣлой арміей Сапѣги и Лисовскаго, осадившихъ монастырь въ сентябрѣ 1608 года и имѣвшихъ у себя до 20 и болѣе тысячъ человѣкъ. Первые приступы тушинцевъ были отбиты; тогда они рѣшились на осаду обители, но монастырь могъ сопротивляться очень долго; въ немъ были большіе запасы продовольствія; и осада Троице-Сергіевой лавры,

продлившись почти полтора года (съ сентября 1608 г. до начала 1610 г.), окончилась ничѣмъ: изнемогшій отъ голода и болѣзней гарнизонъ все-таки не сдался и своимъ сопротивленіемъ задержалъ очень много тушинскихъ силъ.

Однако, это не могло помѣшать другимъ тушинскимъ шайкамъ наводнить сѣверъ. Болѣе двадцати сѣверныхъ городовъ должны были признать власть вора, въ томъ числѣ: Суздаль, Владиміръ, Ярославль и Ростовъ.

На сѣверѣ, гдѣ еще не знали, что за человѣкъ былъ воръ, гдѣ довѣрія и особой любви къ Шуйскому не питали, тамъ на вора смотрѣли не какъ на разбойника, а какъ на человѣка, ищущаго престола, быть-можетъ, и настоящаго царевича. Часто его признавали такимъ при первомъ появленіи его шаекъ, но вскорѣ убѣждались, что эти шайки не царево войско, а разбойничій сбродъ. Отъ вора исходили только требованія денегъ, его люди грабили и безчинствовали, къ тому же многіе изъ нихъ были поляки.

Также замѣчали жители сѣвера, что тушинцы, взявъ города, отдаютъ ихъ на жалованье въ вотчины польскимъ панамъ.

Это въ глазахъ истинно русскихъ людей не было порядкомъ; и вотъ сѣверные города одинъ за другимъ возстаютъ противъ тушинцевъ не изъ любви къ Шуйскому и не вслѣдствіе увѣренности, что тушинскій Димитрій — самозванецъ и воръ; этотъ вопросъ они рѣшаютъ такъ: „а не спѣшите крестъ цѣловать, еще не угадать, на чемъ совер-

шится; еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать".

Движеніе сѣверныхъ городовъ началось съ Устюга, который вступилъ въ переписку съ Вологдой, убѣждая ее не цѣловать креста вору. Города пересылались между собой и, посылая другъ другу свои дружины, вмѣстѣ били тушинцевъ. Во главѣ возстанія становились или находившіеся на сѣверѣ воеводы Шуйскаго, или выборные предводители. Участвовали въ этомъ движеніи и извѣстные промышленники Строгановы.

Выгнавъ тушинцевъ отъ себя, города спѣшили на помощь другимъ городамъ или Москвѣ. Такимъ образомъ, противъ Тушина возстали Нижній-Новгородъ, Владимиръ, Вологда, словомъ, — почти всѣ города по средней Волгѣ и на сѣверъ отъ нея.

Эти города находили достаточно силы, чтобы избавиться отъ враговъ; но этой силы не хватало у царя Василія Шуйскаго и у Москвы. Во взаимной борьбѣ ни Москва ни Тушино пересилить другъ друга не могли. Какъ все государство мало слушало царя Василія и мало о немъ заботилось, такъ и въ Москвѣ онъ не былъ хозяиномъ.

Многіе москвичи служили и тому и другому государю: и царю Василію Шуйскому и вору. Они то ходили въ Тушино за разными подачками, чинами и „деревнишками", то возвращались въ Москву и, сохраняя тушинское жалованье, ждали награды отъ Шуйскаго за то, что возвратились, „отстали отъ измѣны"; они открыто торговали съ

Тушиномъ, смотрѣли на Тушино не какъ на вражій станъ, а какъ на очень удобное мѣсто, гдѣ можно съ успѣхомъ поправлять свои денежныя дѣла. Такъ относились къ Тушину не отдѣльныя лица, а многіе москвичи, вслѣдствіе чего власть Шуйскаго не могла быть крѣпка и сильна, но и воръ не могъ извлечь для себя много пользы изъ московскихъ перебѣжчиковъ, такъ какъ не пользовался народною любовью. Оба соперника были слабы, не могли побѣдить другъ друга, но вмѣстѣ съ окружавшими ихъ людьми вредно вліяли на добрые нравы какъ бояръ, дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей, такъ и простого народа.

Царь Василій Шуйскій хорошо сознавалъ свою слабость и рѣшилъ искать помощи для борьбы съ воромъ у одного изъ своихъ сосѣдей. Въ 1608 г. отправленъ былъ для переговоровъ со шведами царскій племянникъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Дурной примѣръ законныхъ государей и самозванцевъ, управлявшихъ московскою Русью во времена „Лихолѣтья“ и запятнавшихъ свое имя тайными убійствами, „всенародными“ обманами и клятвопреступленіями, пагубно повліялъ на нравы московскаго населенія. Ухудшенію народной нравственности не мало также содѣйствовало дурное состояніе матеріальныхъ средствъ, обѣднѣніе и оскудѣніе московскаго государства, которыя произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе цѣлаго ряда войнъ, какія вели московскіе государи съ своими сосѣдями во второй половинѣ XVI вѣка, такъ

сказать, „наканунѣ“ Смутнаго времени. Исключительная забота о себѣ, о своихъ средствахъ и о собственномъ обогащеніи такъ проникла въ плоть и кровь большинства москвичей, что трудно было тогда встрѣтить въ Москвѣ и въ другихъ городахъ московской Руси такихъ лицъ, которыя не были бы проникнуты корыстными стремленіями къ наживѣ, и ради наживы и обогащенія не пренебрегали бы никакими дурными средствами.

Къ числу немногихъ дѣятелей Смутнаго времени, которые отличались своимъ безкорыстіемъ и готовностью пожертвовать своими личными интересами, если того требовало благо народное, слѣдуетъ отнести царскаго племянника, юнаго князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго.

Этотъ любимый воевода русскаго народа своимъ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ и постоянною готовностью помочь своему ближнему, особенно простому народу, скорѣе напоминалъ любимыхъ богатырей и князей древней Руси (напримѣръ, Илью Муромца и Владимира Краснаго Солнышка), чѣмъ современныхъ ему дѣятелей Смутнаго времени.

Въ печальныя времена упадка народной нравственности, когда не только простые люди, но даже коронованныя лица (Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій) позволяли себѣ тайныя убійства, „всенародные“ обманы и клятвопреступленія, такая свѣтлая личность, какъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, не могла не произвести особенно сильнаго и глубокаго впечатлѣнія на простой народъ и на всѣхъ современниковъ.

Свѣтлый образъ юнаго героя не могъ не запечатлѣться въ памяти народной. Посмотримъ теперь, въ чемъ состояла плодотворная, но непродолжительная дѣятельность любимаго воеводы русскаго народа и попытаемся дать отвѣтъ на вопросъ: за что именно такъ полюбилъ Скопина-Шуйскаго простой народъ?

II.

Ослѣпительнымъ блескомъ отражались яркіе лучи весенняго солнца въ позолоченныхъ крестахъ московскихъ церквей; близъ одной изъ нихъ, а именно церкви Воздвиженья, на Арбатѣ, находилось жилье князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго; оно представляло соединеніе нѣсколькихъ бревенчатыхъ избъ; комнаты въ нихъ, числомъ четыре, были небольшія и низкія, а окна — маленькія; печи и лежанки занимали не мало мѣста. Сѣни у жилища были просторны, но двери низкія, такъ что всякій входящій, хотя бы онъ былъ и невысокаго роста, долженъ былъ наклоняться.

Въ одной изъ комнатъ, прилегающей къ сѣнямъ, на лавкѣ, украшенной ковромъ, передъ столомъ, покрытымъ скатертью, сидѣли князь Скопинъ-Шуйскій и его молодая жена Александра Васильевна, урожденная Головина (названная впослѣдствіи, послѣ постриженія, Анастасіей). На немъ былъ одѣтъ охабень (охабнемъ назывался въ старину родъ плаща, весьма длинный, съ длинными рукавами и воротникомъ, украшенный каменьями и жемчу-

гомъ); на ней была широкая верхняя одежда, называвшаяся опашнемъ, изъ красной матеріи, съ пышными и полными рукавами, висящими чуть не до земли; она застегивалась спереди большими золотыми пуговицами. На головѣ у нея былъ кокошникъ изъ голубой матеріи, на шеѣ—ожерелье, украшенное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, въ ушахъ — золотыя серьги съ драгоцѣнными камнями, на рукахъ — запястья, унизанныя жемчугомъ, на ногахъ — сапожки изъ желтой кожи, вышитые также жемчугомъ.

Всѣ, знавшіе юнаго князя Скопина-Шуйскаго, плѣнялись обыкновенно красотою его лица, красивыми и умными его глазами, ласково смотрѣвшими на всѣхъ окружающихъ, кто бы они ни были, его стройною фигурою и особенно его привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ со всѣми, какъ съ равными ему князьями и боярами, такъ и съ простымъ народомъ.

Его молодая жена, Александра Васильевна, также обладала красивою наружностью; ея большіе красивые глаза были изящно окаймлены темными бровями; но она не отличалась тѣмъ ласковымъ, привѣтливымъ и жизнерадостнымъ видомъ, той свѣтлой душой, обладая которой ея мужъ — юный князь Скопинъ-Шуйскій — такъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, кому только ни случалось обращаться съ просьбою, за совѣтомъ или съ дѣломъ.

Весело сіяло весеннее солнце, и лучи его, проникая въ небольшія окошки жилья Скопина-Шуй-

скаго, ярко освѣщали стоявшія въ углу въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ иконы Спасителя и Божіей Матери. Но не весело было на душѣ москвичей вообще и въ частности обитателей домика юнаго князя Скопина въ одну изъ тяжелыхъ годинъ (а именно въ 1607 году) Смутнаго времени, когда внѣшніе и внутренніе враги готовы были разрушить еще совсѣмъ молодое московское государство, созданное геніемъ великорусскаго племени.

— Почему ты думаешь, дорогая Саша, что нашъ государь, Василій Ивановичъ Шуйскій, не вполнѣ довѣряетъ мнѣ и только, въ виду крайней необходимости, далъ мнѣ столь важное порученіе, какъ заключеніе договора со шведами съ тѣмъ, чтобы соединенное русско-шведское воинство вести на освобожденіе Москвы отъ тушинскаго вора (таково было прозвище Лжедимитрія II), — такъ говорилъ Скопинъ-Шуйскій, обращаясь къ своей женѣ, раскраснѣвшееся лицо которой свидѣтельствовало о томъ горячемъ спорѣ, который происходилъ между нею и ея мужемъ.

— Вспомни, дорогой мой, — съ горячностью возражала Александра Васильевна, — то время, когда величайшая опасность угрожала жителямъ Москвы и самому царю Василію со стороны главы мятежниковъ Болотникова, который стоялъ близъ кремлевскихъ стѣнъ и собирался брать приступомъ нашъ городъ; лишь серьезная опасность со стороны мятежныхъ войскъ побудила тогда государя ввѣрить тебѣ, мой дорогой, охраненіе Серпухов-

скихъ воротъ. Но, несмотря на то, что ты вполнѣ оправдалъ довѣріе царя Василія, принудивъ Болотникова и его многочисленное воинство бѣжать отъ города Москвы, ты не удостоился особеннаго вниманія со стороны государя: онъ не далъ тебѣ главнаго начальства надъ войскомъ противъ тушинскаго вора, а предоставилъ защиту нашего города своему неразумному и неспособному брату Димитрію Ивановичу. Князь Димитрій Шуйскій при первомъ натискѣ воровского воинства постыдно бѣжалъ и допустилъ его расположиться лагеремъ у самого города Москвы. И только теперь, когда многіе русскіе города отпали отъ царя Василія, вслѣдствіе неразумного образа дѣйствій государева брата, князя Димитрія, нашъ государь вспомнилъ о тебѣ и посылаетъ въ Новгородъ Великій для заключенія союза со шведами. Мнѣ извѣстно, что ты рѣшилъ взять съ собою въ Новгородъ моего брата, Семена, и отправить его въ Швецію для переговоровъ о заключеніи желательнаго для насъ договора. На дняхъ мнѣ говорилъ Семенъ, что государевъ братъ, Димитрій, убѣждалъ царя Василія предоставить ему начальство надъ московскою ратью, объясняя свою прежнюю неудачу недостаткомъ обученія новобранцевъ ратному искусству. Я думаю, я увѣрена, стоитъ тебѣ, мой дорогой, одержать рѣшительную побѣду надъ тушинскимъ воромъ, и, по настоянію государева брата Димитрія, царь Василій отнимегъ у тебя начальство надъ московскою ратью, а въ случаѣ неудачнаго и неразум-

наго образа дѣйствій князя Димитрія Ивановича, особенно въ случаѣ пораженія московскихъ ратныхъ людей воровскимъ воинствомъ, тебя же станутъ обвинять и выставлять виновникомъ неудачныхъ дѣйствій государева брата.

— Что же, по-твоему, моя дорогая Саша, — торопливо прервалъ рѣчь жены князь Скопинъ, — я долженъ отказаться отъ исполненія царскаго повелѣнія и, не жалѣя ни знатныхъ людей ни простого народа, предоставить тѣхъ и другихъ произволу судьбы, какъ бы жестока и безжалостна она ни была!

— Неужели ты думаешь, мой дорогой, — съ горячностью проговорила Александра Васильевна, — что государевъ братъ, Димитрій, допуститъ тебя окончить великое дѣло освобожденія Москвы отъ тушинскаго вора? Я могу поручиться тебѣ, чѣмъ угодно, что онъ, Димитрій, воспользуется первою твоею неудачею, чтобы оклеветать тебя въ глазахъ подозрительнаго царя Василія и выставить тебя измѣнникомъ своему государю и народу! Если же тебѣ удастся совершить сей великій подвигъ — освободить, избавить нашъ городъ отъ губительнаго и разорительнаго дѣйствія тушинскаго воровского воинства, то изъ зависти къ тебѣ не замедлитъ погубить тебя государевъ братъ Димитрій. Мнѣ разсказывалъ мой братъ, Семенъ, что тебѣ завидуютъ какъ князь Димитрій, такъ и другіе многіе князья и бояре не только потому, что ты неоднократно отличался своими ратными подвигами и воинскою доблестью, а также не-

устрашимостью и геройскимъ мужествомъ, но и потому, что своимъ ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ простымъ народомъ, своею постоянною готовностью помочь ему, заслужилъ особенное его расположеніе. Однажды, въ присутствіи моего брата, Семена, князь Димитрій Шуйскій, обращаясь къ царю Василію, сказалъ: „Умри ты, мой любезный братецъ и нашъ государь, бездѣтнымъ, и москвичи, не обращая вниманія на твою послѣднюю волю, выраженную въ духовномъ завѣщаніи, не замедлятъ избрать на московскій престолъ юнаго князя Михаила Скопина-Шуйскаго; ужъ больно хитеръ и ловокъ въ снисканіи себѣ народнаго расположенія: кого онъ не можетъ одарить, того приласкаетъ и назоветъ своимъ первымъ другомъ и товарищемъ!“ Неужели ты думаешь, мой дорогой, что такія коварныя рѣчи государева брата, Димитрія, могутъ быть пріятны нашему подозрительному царю Василію? Неужели ты не догадываешься, что подобными недобрыми рѣчами Димитрій подготовляетъ твою гибель? Еще на прошлой недѣлѣ я читала повѣсть о римскомъ полководцѣ Юліи Цезарѣ; мнѣ особенно запомнилось то мѣсто, гдѣ сказано, что этотъ полководецъ, не взирая на пророческія предупрежденія своей жены, все-таки отправился въ сенатъ и погибъ жертвою заговора. Когда я читала эту повѣсть, не знаю, почему,— но судьба Цезаря мнѣ напоминала твою судьбу, а ненависть и зависть къ нему римскихъ сенаторовъ,— то злобное чувство, какое замѣчается у нашихъ бояръ въ отношеніи къ тебѣ!

— Но ты забыла, моя дорогая, — нѣсколько взволнованный рѣчами своей жены, поспѣшно замѣтилъ князь Скопинъ, — что Цезарь добивался царской короны, а я никогда о томъ не думалъ и не мечталъ. Единственная дума и забота, которыя руководятъ всѣми моими дѣйствіями и поступками и которыя меня занимаютъ больше всего на свѣтѣ во всѣ дни моего непродолжительнаго житія, это — дума и забота о счастьѣ и благоденствіи простого народа. Если я добиваюсь и не отказываюсь отъ власти, то только потому, что я вѣрю въ возможность осуществленія моей завѣтной думы и заботы о народномъ счастьѣ и благополучіи путемъ борьбы съ внутренними и внѣшними врагами русскаго народа. Ты посуди, моя дорогая, могу ли я вступить въ борьбу съ этими врагами!

— Но твои завистники, московскіе бояре и особенно государевъ братъ, Димитрій, твое стремленіе къ власти объясняютъ не желаніемъ помочь народу, который находится въ бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе разорительныхъ набѣговъ разбойничьихъ шаекъ тушинскаго вора, а честолюбивыми замыслами при помощи любящаго тебя простого народа захватить верховную власть въ свои руки, сѣсть на московскій престолъ. Въ настоящее время, когда твои горячіе, но неблагоразумные приверженцы готовы на площади народной кричать о томъ, что не подобаетъ такому неспособному и неискусному правителю, какъ царь Василій, быть московскимъ государемъ, что един-

ственнымъ человѣкомъ, вполнѣ достойнымъ быть царемъ московскимъ по своимъ заслугамъ, способностямъ и любви къ народу, являешься ты— князь Скопинъ-Шуйскій; въ такое время, когда горячіе твои приверженцы готовы провозгласить тебя московскимъ царемъ, тебѣ, мой дорогой, надо стремиться не къ власти, а подальше отъ нея, если для тебя дорога твоя жизнь и благополучіе твоей жены!

— Неужели ты, моя дорогая Саша, можешь хотя бы на минуту усомниться въ томъ, что для меня особенно дорого твое благополучіе,— съ горячностью проговорилъ Скопинъ, цѣлуя свою жену въ лобъ.

— Но если ты, дорогой Миша, говоришь то, что думаешь и чувствуешь, то исполни мою просьбу, съ какою я къ тебѣ сейчасъ обращусь,— нѣжно и ласково смотря на своего мужа, сказала Александра Васильевна.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ исполню всякую твою просьбу, — улыбаясь, промолвилъ Скопинъ,— если только исполненіе твоей просьбы не превыситъ моихъ средствъ и силъ и не заставитъ меня отказаться отъ осуществленія главной задачи моей жизни — быть защитникомъ и заступникомъ всѣхъ бѣдныхъ и сирыхъ!

— Я усердно прошу и слезно умоляю тебя, дорогой Миша,— дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорила Александра Васильевна, крѣпко сжимая руки своего мужа, — не покидай меня и свою престарѣлую мать въ такое бѣдственное и

тяжелое время, когда не сегодня, такъ завтра могутъ прійти сюда, въ Москву, разбойничьи шайки тушинскаго вора, убить твою мать; а меня, твою горемычную жену, которая будетъ горько оплакивать свою несчастную судьбу, возьмутъ мятежники въ плѣнъ и подвергнутъ всевозможнымъ оскорбленіямъ! Кто насъ тогда защититъ, если ты уйдешь въ Новгородъ исполнять царское порученіе?

— Но ты забываешь, дорогая Саша, — рѣшительнымъ тономъ сказалъ Скопинъ, — что если я уступлю, согласно твоему желанію, представляемую мнѣ царемъ власть государеву брату Димитрію, то какую защиту и какую помощь могу я тогда оказать своему родному городу Москвѣ и своей семьѣ, особенно тебѣ и моей престарѣлой матери. Я вѣдь не могу, подобно древнему богатырю Ильѣ Муромцу, схватить за ногу хотя бы тушинскаго вора и, помахивая имъ направо и налѣво, въ нѣсколько минутъ разогнать его разбойничьи и воровскія шайки. Какъ безъ меня, такъ и при мнѣ, придя въ Москву, мятежники могутъ убить мою престарѣлую мать, предварительно, конечно, убивъ меня, если бы я сталъ противиться ихъ насиліямъ, а затѣмъ, никто не помѣшалъ бы имъ взять тебя въ плѣнъ и издѣваться надъ тобою, какъ надъ женою злѣйшаго ихъ врага, князя Скопина-Шуйскаго!

— Итакъ, ты, мой дорогой Миша, подобно древнимъ героямъ, любившимъ свой народъ и свою родину, остаешься твердъ въ своемъ рѣше-

ніи—избавить свое отечество отъ разбойничьихъ шаекъ тушинскаго вора. Мои слезныя моленія нисколько тебя не трогаютъ, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорила Александра Васильевна.—Пусть твое рѣшеніе помочь народу выйти изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ онъ находится уже не первый годъ, останется ненарушимымъ, но выслушай еще одну мою просьбу и, по возможности, непремѣнно ее исполни!

— Могу заранѣе дать тебѣ слово, моя дорогая Саша, — стараясь сохранить спокойствіе, тихо сказалъ Скопинъ, съ нервною торопливостію ходя по комнатѣ, — что охотно и немедленно исполню всякую твою просьбу, если только не заставитъ она поступить противъ сознанія своего долга и велѣній совѣсти!

— Дѣло въ томъ, мой дорогой, что братъ Семенъ мнѣ разсказывалъ, что шведы два раза предлагали царю Василію помощь противъ ихъ ненавистныхъ враговъ — поляковъ. Но нашъ государь, вѣрный прадѣдовскому обычаю скрывать передъ чужими свои затруднительныя обстоятельства и представлять свое положеніе въ самомъ лучшемъ видѣ, приказалъ выразить шведамъ негодованіе за такое предложеніе. Такой отвѣтъ, выраженный два раза, могъ обидѣть шведскаго короля, и онъ, надо полагать, измѣнилъ своему первоначальному рѣшенію—помочь русскимъ въ борьбѣ съ поляками. Вотъ почему я сомнѣваюсь въ успѣхѣ тѣхъ переговоровъ, которые поручилъ

тебѣ вести со шведами царь Василій. Малѣйшая же неудача въ твоихъ дѣйствіяхъ можетъ имѣть для тебя гибельныя послѣдствія. Стоитъ припомнить тебѣ, мой дорогой, ту ненависть и злобу, съ какою относятся къ тебѣ многіе бояре и государевъ братъ Димитрій. Въ виду чего я усердно просила бы тебя и слезно умоляю, отказаться отъ веденія переговоровъ со шведами. Какъ бы эти переговоры не погубили тебя!

— Напрасно ты, моя дорогая Саша, сомнѣваешься въ успѣхѣ переговоровъ со шведами; ихъ король Карлъ такъ ненавидитъ польскаго короля Сигизмунда, что давно мечтаетъ соединиться съ русскимъ царемъ, чтобы нанести болѣе чувствительное пораженіе полякамъ. Хотя царь Василій два раза отказалъ и довольно рѣзко шведскому королю, предлагавшему намъ помощь въ борьбѣ съ поляками, но я нисколько не сомнѣваюсь, что шведскій король Карлъ съ величайшею готовностью приметъ наше предложеніе заключить съ нимъ союзъ противъ поляковъ, хотя бы ему и было извѣстно о затруднительномъ положеніи московскаго государя. А положеніе царя Василія, внѣ всякаго сомнѣнія, въ дѣйствительности крайне затруднительно. Многія дѣти боярскія, стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, подьячіе, торговые люди и даже крестьяне бѣжали изъ Москвы въ лагерь тушинскаго вора.

— Никакъ не могу я понять того,—нѣсколько успокоенная рѣчами мужа, проговорила Александра Васильевна, — что нѣкоторые простые люди,

какъ-то: крестьяне, торговцы, ремесленники и приказные люди, подобно боярамъ, не всегда вѣрнымъ за послѣднее время своимъ законнымъ государямъ, также переходять на сторону тушинскаго вора.

— Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго,—спокойно замѣтилъ Скопинъ, ласково поглядывая на свою жену:—рыба ищетъ въ водѣ, гдѣ глубже а человѣкъ на землѣ, гдѣ лучше. Крестьяне идутъ къ тушинскому вору для того, чтобы не быть больше крестьянами и стать, по возможности, помѣщиками; торговые люди идутъ въ Тушино, чтобы сдѣлаться приказными людьми, а приказные люди, — чтобы получить званіе думнаго дворянина.

Вскорѣ послѣ разговора съ женою Скопинъ-Шуйскій отправился въ Новгородъ, гдѣ приняли его съ честью. Отправивъ своего шурина, Семена Васильевича Головина, въ Швецію, Скопинъ нѣкоторое время оставался въ Новгородѣ.

III.

Было ненастное весеннее утро. Крупный дождь безпрестанно барабанилъ въ ветхія крыши рыбачьихъ избъ, расположенныхъ на берегу Невы. Звуки падающаго дождя и заунывное завыванье вѣтра, а также мрачный видъ небосклона, сплошь покрытаго сѣрыми тучами,—все это наводило тоску на обитателей рыбачьихъ избъ; въ одной изъ нихъ, находящейся близъ устья Невы, въ

маленькой, низенькой комнатѣ, въ которой съ трудомъ умѣщались столъ и лавка (т.-е. скамейка), сидѣлъ погруженный въ глубокую думу князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій; тяжелыя, мрачныя мысли и воспоминанія роились въ его головѣ: ему припомнились, между прочимъ, тѣ народныя волненія, свидѣтелемъ которыхъ пришлось ему быть въ Новгородѣ; боролись тамъ двѣ партіи: приверженцы одной держали сторону царя Василія, другая же партія, довольно многочисленная, готова была провозгласить московскимъ государемъ тушинскаго вора. Посылая своихъ людей въ Псковъ, Ивангородъ и Орѣшекъ, Скопинъ еще болѣе былъ огорченъ тѣмъ извѣстіемъ, что эти города не хотѣли признать своимъ государемъ царя Василія и не прочь были присоединиться къ тушинскому вору. Изъ Пскова доносили князю Скопину, что на государеву просьбу прислать въ Москву денежное вспоможеніе откликнулись лишь псковскіе купцы и, вообще, богатые люди, которые собрали 900 рублей (принимая во вниманіе современную цѣнность денегъ, мы получимъ болѣе 20.000 рублей) со всего Пскова, съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ по раскладкѣ; они послали съ этими деньгами въ Москву, не по выбору, главныхъ представителей противной партіи (т.-е. партіи меньшихъ, или народной партіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ земледѣльцевъ, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ), числомъ пять: Самсона Тиѳинца, Ѳеодора Умойся-грязью, Ерему сыромятника,

Овсейка Ржова и Илюшку мясника. Они же, т.-е. представители партіи вячшихъ вячшими назывались въ старину люди богатые и знатнаго происхожденія, такъ что къ партіи вячшихъ принадлежали главнымъ образомъ бояре и богатые купцы и землевладѣльцы) написали царю Василію: „Мы тебѣ, гости псковскіе, радѣемъ, а эти пять человѣкъ (которыхъ мы посылаемъ) тебѣ, государь, добра не хотятъ, и мелкіе люди казны тебѣ не дали“. Тогда же знаменитый гость (гостемъ называли въ старину купца, имѣющаго крупные торговые обороты; иногда подъ гостемъ разумѣли иноземнаго купца или русскаго торговца, который привозилъ товары изъ чужихъ странъ, напримѣръ: изъ Швеціи, Германіи, Венгріи, Греціи и др.), Григорій Щукинъ, хвалился: „Которые-де поѣхали съ казною, и тѣмъ (церкви) Живоначальной Троицы верха не видать и въ Псковѣ не бывать“.

Тяжело и прискорбно было Скопину узнавать отъ своихъ людей о той гибельной для простого народа розни, какая свирѣпствовала во Псковѣ. Народолюбивое сердце Скопина-Шуйскаго обливалось кровью, когда ему передавали похвальбу купца Григорія Щукина, который злорадствовалъ, предугадывая возможность гибели лучшихъ представителей народной партіи. Но еще тяжелѣе становилось на душѣ Скопина, когда ему разсказывали, какъ поступили новгородцы, прочитавъ упомянутую грамоту лучшихъ псковичей къ царю: они посадили въ тюрьму четверыхъ пред-

ставителей народной партіи города Пскова, посланныхъ въ Москву съ деньгами, и держали ихъ до того времени, когда узнали, что дорога очистилась отъ воровскихъ людей и ихъ можно отправить въ Москву. Оставили на волѣ одного только Ерему сыромятника, потому что его имя въ грамотѣ пропустили: похотѣлъ ему добра псковскій воевода Петръ Шереметевъ за то, что Ерема на него много всякаго рукодѣлья дѣлалъ даромъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ, — одно изъ немногихъ пріятныхъ воспоминаній, проносившихся быстро передъ умственнымъ взоромъ Скопина, когда онъ, погруженный въ глубокую думу, сидѣлъ въ рыбачьей избѣ близъ устья рѣки Невы, — онъ слушалъ своихъ людей, когда они разсказывали ему о счастливомъ избавленіи представителей народной партіи города Пскова, которымъ по оговорной грамотѣ угрожала смертная казнь вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда въ Москву; но къ ихъ счастью оказался тогда въ „бѣлокаменной“ отрядъ псковскихъ стрѣльцовъ, взятый государемъ для борьбы съ тушинскимъ воромъ. Въ тотъ моментъ, когда Ѳеодора Умойся-грязью съ товарищами вывели на народную площадь казнить смертью, стрѣльцы псковскіе бросились къ царю Василію и стали просить его за своихъ земляковъ, говоря ему, что „тебѣ, царю, они не измѣнники, а наши головы—въ ихъ головы“. Между тѣмъ Ерема сыромятникъ возвратился изъ Новгорода въ Псковъ, благодаря покровительству псковскаго воеводы

Петра Шереметева, и сказалъ своимъ, что остальныхъ четверыхъ его товарищей прямо изъ тюрьмы отослали въ Москву съ казною, и на нихъ писана измѣна. Тогда народъ всталъ всѣмъ Псковомъ на гостей (т.-е. богатыхъ купцовъ), на семь человѣкъ, и билъ на нихъ челомъ (т.-е. жаловался на нихъ) воеводѣ. Шереметевъ посадилъ гостей въ тюрьму и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы потребовать съ нихъ большія деньги, а между тѣмъ послалъ сказать въ Москву чтобы присланнымъ туда четверымъ псковичамъ не дѣлали никакого зла и тотчасъ отпустили бы ихъ домой, такъ какъ за нихъ поднялось въ Псковѣ страшное смятеніе, и гостямъ грозитъ гибель. Царь Василій испугался и отпустилъ псковичей.

Крайне удручающее впечатлѣніе производило на Скопина воспоминаніе о томъ, какъ въ тѣ времена встала въ Псковѣ страшная ненависть между лучшими и меньшими людьми: „большіе встали на меньшихъ, меньшіе — на большихъ, и такъ было къ погибели всѣмъ“. По мнѣнію народолюбиваго князя, было очень тяжело жить меньшей братіи (т.-е. простому народу), когда „раздѣлилось царство русское надвое, и было два царя и межъ людей несогласіе“, когда плѣнниковъ, взятыхъ царемъ Василіемъ у тушинскаго вора и разосланныхъ по городамъ, жители однихъ городовъ (напримѣръ, новгородцы) топили и избивали, а жители другихъ (напримѣръ, псковичи)—кормили, поили, одѣвали, и плакали, смотря на нихъ.

Тяжело было также вспоминать князю Скопину о томъ, что псковскіе стрѣльцы, разойдясь по своимъ пригородамъ, а дѣти боярскія — по помѣстьямъ, смутили всѣ пригороды и волости и привели ихъ къ крестному цѣлованію тушинскому вору. Псковскій воевода Шереметевъ собралъ ратныхъ людей и послалъ воеводою съ ними сына своего, Бориса, противъ возмутителей; но Борисъ едва успѣлъ убѣжать отъ нихъ въ Псковъ „поздорову". Когда Скопинъ вспоминалъ о той легкости, съ какою псковскіе служилые люди переходили на сторону тушинскаго вора, то невольно приходило ему на память пророчество его жены, которая, предугадывая трудности предпринятаго имъ освобожденія Москвы отъ воровскихъ шаекъ тушинцевъ, предсказывала ему возможность неудачи, особенно, когда ему придется собирать союзное войско въ городахъ, прилегающихъ къ западнымъ границамъ московской Руси. Мрачныя мысли о возможности неудачи и о печальныхъ для него послѣдствіяхъ таковой неудачи еще больше стали волновать его и преслѣдовать, когда онъ вспомнилъ о той ненависти, съ какою относились псковичи къ шведамъ и другимъ народамъ германскаго племени, извѣстнымъ у нашихъ предковъ подъ общимъ именемъ „нѣмцевъ". Извѣстно, что Псковъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ постоянно боролся съ нѣмцами, безпрестанно грозившими его самостоятельности и православной вѣрѣ; едва младенецъ въ Псковѣ начиналъ коечто понимать, какъ уже существомъ самымъ

враждебнымъ представлялся ему нѣмецъ. По мнѣнію князя Скопина, къ этой исторической враждѣ, псковитянъ къ нѣмцамъ могло тогда присоединиться еще новое опасеніе: меньшіе люди могли подозрѣвать, что нѣмцы, союзники царя Василія, вмѣстѣ съ новгородцами придутъ для того въ Псковъ, чтобы усилить воеводу и партію вячшихъ (т. е. лучшихъ людей), которые воспользуются своей силой для низложенія партіи меньшихъ (т.-е. народной партіи). Такъ что когда пришли въ Псковъ новгородцы и стали предлагать псковичамъ соединиться съ ними и стоять вмѣстѣ на воровъ (т.-е. противъ войскъ тушинскаго вора), при чемъ новгородцы прибавили: „а къ намъ нѣмцы (шведы) будутъ изъ-за моря тотчасъ въ помощь Новгороду и Пскову“, — то псковичи объявили новгородцамъ, что именно изъ-за своихъ исконныхъ (т. - е. давнишнихъ) враговъ нѣмцевъ они не желаютъ соединиться съ Новгородомъ.

„Итакъ, — думалъ Скопинъ, вспоминая недобрыя предсказанія своей жены, — вѣщее сердце женщины можетъ иногда скорѣе, чѣмъ разумъ мужчины, предугадать трудности и неудобства такого, повидимому, простого историческаго факта, какъ заключеніе союза съ сосѣднимъ народомъ“.

Не успѣлъ онъ сосредоточиться на мысли о тѣхъ нежелательныхъ для московскаго государя послѣдствіяхъ, какія можетъ повлечь за собою союзъ со шведами, какъ, несомый вихремъ воспоминаній, онъ снова мысленно очутился во Псковѣ и возмущался до глубины души постыд-

нымъ поведеніемъ псковскаго правительства: воеводы Шереметева и дьяка Ивана Грамотина. Они воспользовались смутою, ослабленіемъ царской власти для собственныхъ выгодъ: они завладѣли лучшими дворцовыми селами. Когда тушинскій воевода Ѳеодоръ Плещеевъ пришелъ съ войскомъ, набраннымъ въ пригородахъ, и сталъ приводить къ крестному цѣлованію волости псковскія, то крестьяне изъ волости явились въ Псковъ къ воеводѣ, прося оборонить ихъ отъ Плещеева; но Шереметевъ и Грамотинъ выслали вооруженныхъ людей грабить и брать въ плѣнъ волостныхъ крестьянъ; плѣнныхъ мучили на пыткахъ, вымучивали у нихъ деньги и тогда отпускали на волю.

— О вѣроломные губители и разорители русской земли!—невольно вслухъ произнесъ Скопинъ, находясь подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній.

Нервная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу, когда ему приходилъ на память разсказъ его шурина Головина о томъ, что волненія во Псковѣ, благодаря возмутительному произволу воеводы Шереметева и дьяка Грамотина, все болѣе и болѣе усиливались; псковичами готовъ былъ овладѣть паническій страхъ, когда одинъ сынъ боярскій распустилъ слухъ, что отправлена въ Москву грамота съ доносомъ на 70 человѣкъ посадскихъ. Со страхомъ псковичи указывали другъ другу на крѣпкія тюрьмы, поставленныя воеводою, тогда какъ прежде тюрьмы были простыя, безъ ограды. Когда воевода говорилъ псковичамъ: „Нѣмцы будутъ во

Псковѣ“, то получалъ отъ нихъ отвѣтъ: „Нѣмцевъ не хотимъ, и за то помремъ!“

Но всего больше возмущало правдивую и благородную душу Скопина, исполненную всякихъ благихъ намѣреній, поведеніе вячшихъ людей въ Псковѣ; вмѣсто того, чтобы дѣйствовать съ народомъ заодно, согласно и тѣмъ самымъ успокоить его, они, вячшіе люди, какъ нарочно, все больше и больше раздражали его: перестали ходить на общій совѣтъ во всегородную избу; они стали гнушаться мелкими людьми и смѣялись надъ ними; когда меньшіе люди звали ихъ на совѣтъ, то они не ходили и давали во всемъ волю мелкимъ людямъ да стрѣльцамъ, казакамъ, поселянамъ; а стрѣльцы, къ великой досадѣ Скопина и всѣхъ благомыслящихъ людей, превозносили тушинскаго вора за добродѣтель и милость, за хитрость воинскую, за силу великую. Такимъ возмутительнымъ поведеніемъ лучшихъ людей партія меньшихъ была такъ раздражена противъ псковскаго правительства, что когда пришла вѣсть во Псковъ (1 сентября 1608 года), что нѣмцы уже близко, то въ этомъ городѣ, по выраженію лѣтописца, народъ всталъ, какъ пьяный, отворилъ ворота, цѣловалъ крестъ тушинскому вору и впустилъ въ городъ ратныхъ людей Плещеева, который сталъ воеводою въ Псковѣ. Примѣру псковичей послѣдовали жители городовъ Орѣшка и Иваньгорода. Вспомнилъ Скопинъ, какъ онъ былъ озадаченъ поведеніемъ воеводы города Орѣшка, Михайлы Глѣбовича Салтыкова, который, признавъ

московскимъ государемъ тушинскаго вора, приказалъ не пускать въ этотъ городъ его, князя Скопина. Нескончаемая вереница по большей части тяжелыхъ и безотрадныхъ воспоминаній, проносившихся съ замѣчательною быстротою передъ его умственнымъ взоромъ, могла бы занести его на крыльяхъ воображенія въ страны, болѣе далекія, чѣмъ Псковъ, Иваньгородъ и Орѣшекъ, но стукъ въ дверь избы, гдѣ находился Скопинъ, положилъ конецъ тяжелымъ воспоминаніямъ, наводившимъ тоску на впечатлительную натуру юнаго князя. Онъ, какъ бы очнувшись, быстро всталъ и, подойдя къ двери, открылъ ее. Въ избу вошло нѣсколько мужчинъ; на нихъ были зипуны, совсѣмъ мокрые отъ продолжительнаго дождя, въ рукахъ они держали мѣховыя шапки, съ которыхъ тоненькими струйками стекала вода на полъ; обувь у нихъ была кожаная; сапоги, сплошь покрытые грязью, имѣли неопредѣленный сѣрый цвѣтъ; обильное присутствіе грязи на сапогахъ свидѣтельствовало о продолжительномъ ихъ путешествіи въ ненастную погоду. Вглядѣвшись пристально въ лица пришедшихъ, Скопинъ узналъ, что то были новгородскіе старосты: Иванъ Поповъ, Степанъ Антоновъ, Игнатій Дурыгинъ, Аѳанасій Квашнинъ и Димитрій Лушниковъ.

Войдя въ избу, старосты троекратно осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ и, низко поклонившись князю Скопину, въ молчаніи остановились.

— Добро пожаловать, мои друзья! Издалека ли путь держите и куда направляетесь? — ласково

промолвилъ Скопинъ, называя каждаго старосту по имени (своею большою памятью онъ удивлялъ многихъ) и крѣпко пожимая каждому руки.

— Изъ Новгорода Великаго, дорогой нашъ князь Михаилъ Васильевичъ, путь мы держимъ,— проговорилъ староста, Иванъ Поповъ, который былъ старше своихъ товарищей,—а направляемся мы къ твоей милости, князь, съ поклономъ и челобитною!

— Развѣ вы забыли, мои друзья, какъ упорно и настойчиво я хлопоталъ въ вашемъ городѣ о томъ, чтобы всѣ новгородцы признали своимъ государемъ царя Василія? Какъ я упрашивалъ главныхъ вожаковъ меньшихъ (т.-е. народной партіи), чтобы меня, въ случаѣ крайней надобности, когда явится сюда помощь изъ Швеціи, подкрѣпили новгородскимъ отрядомъ; чтобы этотъ отрядъ набрали изъ охочихъ людей, которые пожелали бы итти въ Москву для освобожденія и избавленія этого города отъ разбойничьихъ шаекъ тушинскаго вора! Отвѣтомъ на мои просьбы было народное волненіе. Чѣмъ больше я вникалъ и думалъ о томъ, отчего происходятъ возмущенія новгородскихъ мужиковъ, тѣмъ больше я убѣждался, что новгородскіе бѣдняки, подкупаемые приверженцами тушинскаго вора, склоняютъ на свою сторону меньшихъ, являясь главными виновниками новгородскихъ мятежей и возмущеній. Я же скорѣе согласенъ отправиться въ Швецію, набрать тамъ по возможности многочисленный отрядъ добровольцевъ-шведовъ и итти съ ними на освобожде-

ніе Москвы, чѣмъ оставаться въ Новгородѣ и заниматься подкупами горлановъ-вѣчниковъ, наиболѣе вліятельныхъ вожаковъ меньшихъ.

— Не изволь гнѣваться, дорогой нашъ князь Михаилъ Васильевичъ, на неразумныхъ нашихъ новгородскихъ мужиковъ-вѣчниковъ! Два дня тому назадъ они всѣ согласились, какъ одинъ человѣкъ, и постановили на вѣчѣ (ихъ вѣчевое рѣшеніе, если пожелаешь, можемъ тебѣ, князь, показать) просить тебя воротиться въ Новгородъ, давая клятвенное обѣщаніе вѣрности царю Василію, — такъ говорили новгородскіе старосты, кланяясь такъ низко, что рукою доставали до пола.

— Если бы не вы, мои друзья, разсказывали мнѣ о той перемѣнѣ, какая произошла въ настроеніи народа въ Новгородѣ,—промолвилъ Скопинъ, ласково приглашая старостъ сѣсть на скамейку, стоявшую у стола,—а какой-нибудь неизвѣстный мнѣ человѣкъ, то я назвалъ бы его выжившимъ изъ ума болтуномъ и ни за что не повѣрилъ бы его словамъ. Неужели ваши разумныя рѣчи, мои друзья, на новгородскихъ мужиковъ - вѣчниковъ такъ подѣйствовали, что въ какіе-нибудь два - три дня вы могли убѣдить ихъ въ томъ, насколько неразумно признавать московскимъ государемъ тушинскаго вора. Неужели ваши разумныя и твердыя рѣчи оказали на нихъ болѣе чудесное вліяніе, чѣмъ тѣ серебряныя монеты, которыя они получали неоднократно отъ недруговъ царя Василія.

— Не наша, князь, въ томъ заслуга, что настроеніе новгородскихъ мужиковъ такъ быстро вдругъ измѣнилось въ пользу царя Василія и такъ внезапно они постановили просить тебя воротиться въ Новгородъ. Мы, князь, сами удивились и продолжаемъ удивляться тому рѣшительному и благотворному вліянію, какое произвела на новгородцевъ, особенно на простой народъ, рѣчь нашего митрополита Исидора.

— Я много слыхалъ, мои друзья, о вашемъ митрополитѣ Исидорѣ, какъ о человѣкѣ, обладающемъ великимъ благочестіемъ и большимъ разумомъ,— со вздохомъ проговорилъ Скопинъ такимъ тономъ, какъ будто бы онъ въ чемъ-то раскаивался (незамѣтно для него самого въ его доброе и отзывчивое сердце подъ вліяніемъ разсказа новгородскихъ старостъ стало закрадываться чувство раскаянія въ томъ, что онъ поторопился выставить въ худомъ свѣтѣ новгородскихъ мужиковъ, которые оказались такими чуткими къ доброму вліянію благочестиваго пастыря),—но меня очень и очень интересуетъ, о комъ и о чемъ говорилось въ тѣхъ разумныхъ рѣчахъ вашего митрополита, которыя такъ рѣшительно и, можно сказать, чудесно подѣйствовали на всѣхъ новгородцевъ, а особенно на меньшихъ!

— Дорогой нашъ князь Михаилъ Васильевичъ!— такъ говорилъ старшій изъ новгородскихъ старостъ, Иванъ Поповъ,—не подражалъ нашъ митрополитъ Исидоръ, когда произносилъ знаменательную свою рѣчь на новгородскомъ вѣчѣ, древнимъ

ораторамъ, которые любили похвастаться передъ народомъ своими обширными познаніями и свѣдѣніями; въ своей рѣчи онъ приводилъ событія и явленія народной жизни, извѣстныя многимъ новгородцамъ. Такъ прежде всего онъ указалъ на постыдное поведеніе алчныхъ сподвижниковъ тушинскаго вора, которые прежде всего думали о деньгахъ и требовали ихъ у своего мнимаго царя; по ихъ настоянію посылались по городамъ грамоты, которыми на жителей городовъ налагались новыя подати. Когда въ Вологдѣ прочли эти грамоты предъ всѣмъ народомъ, то вологжане противъ грамотъ ничего не сказали, только многіе заплакали и тихонько говорили другъ другу: „Хотя мы ему (т.-е. тушинскому вору) и крестъ цѣловали, но только бы Богъ свой праведный гнѣвъ отвратилъ, далъ бы побѣду государю нашему Василію Ивановичу, то мы всею душою рады головами служить, пусть только другіе города—Устюгъ, Усолье и поморскіе— намъ помогутъ“. Пріѣхавшіе въ Новгородъ Великій изъ Ярославля и Вологды старосты и цѣловальники разсказывали новгородцамъ о неохотной присягѣ народа тушинскому вору, о насиліяхъ, совершаемыхъ его разбойничьими шайками: онѣ врывались въ домы знатныхъ людей, въ лавки къ купцамъ, брали товары безъ денегъ, обижали простой народъ на улицахъ. Далѣе нашъ митрополитъ упомянулъ о тѣхъ угнетеніяхъ, которымъ подвергаются присягнувшіе незаконному тушинскому царю, при чемъ прибавилъ, что многіе города, которые имѣли несчастье по-

знакомиться съ алчностью и хищностью сподвижниковъ тушинскаго вора, ждутъ только помощи, чтобъ возстать противъ тушинскихъ притѣснителей. Указавъ еще на многіе другіе примѣры насилій и притѣсненій, совершаемыхъ и въ городахъ и въ селахъ тушинскими сподвижниками, митрополитъ Исидоръ обратился къ разсмотрѣнію дѣятельности сподвижниковъ царя Василія и, главнымъ образомъ, къ описанію твоей, князь, дѣятельности. Когда митрополитъ привелъ многочисленныя доказательства твоей любви къ простому народу и разсказалъ, что ты, подобно Владиміру Святому, никогда не отказываешь въ помощи своей меньшей братіи, бѣдному люду, что ты, князь, не только самъ не позволялъ себѣ никакихъ насилій и притѣсненій въ отношеніи къ окружающимъ лицамъ, но не допускалъ другихъ совершать ихъ въ своемъ присутствіи, не обращая при этомъ никакого вниманія на ненависть и злобу бояръ, которымъ не нравился твой образъ дѣйствій; ты, князь, не обращалъ вниманія и на зависть бояръ, которые твое милосердіе объясняли стремленіемъ захватить верховную власть — сдѣлаться московскимъ царемъ, опираясь на расположеніе простого народа. Едва ли возможно описать тотъ восторгъ, который овладѣлъ новгородцами, когда митрополитъ сталъ приводить многочисленные примѣры твоего рѣдкаго, князь, милосердія, твоей удивительной доброты и твоего упорнаго слѣдованія заповѣди Христовой о любви къ ближнему; особенно, когда Исидоръ разсказалъ тотъ случай изъ

твоей жизни, какъ ты, князь, гуляя однажды въ окрестностяхъ Москвы, встрѣтилъ нѣсколькихъ бѣдняковъ и, не имѣя при себѣ денегъ, роздалъ имъ почти всю свою одежду и оружіе. Не успѣлъ митрополитъ упомянуть о томъ, что вотъ какого рѣдкаго по своему милосердію и по своей добротѣ сподвижника царя Василія—князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго —мы прогнали изъ своего города! —„Не слѣдуетъ ли, братія моя, возвратить его обратно?“—какъ въ народной толпѣ, находившейся на вѣчевой площади, раздались громкіе возгласы: „Да здравствуетъ царь Василій и князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ! Пусть онъ, князь Скопинъ, будетъ нашимъ воеводою и пусть ведетъ насъ помочь царю Василію избавить Москву отъ разбойничьихъ шаекъ тушинскаго вора!“ Когда смолкли народные, много разъ повторявшіеся возгласы, которые съ особеннымъ восторгомъ привѣтствовали тебя, князь, постановили всѣ новгородцы, присутствовавшіе на вѣчѣ, единогласно: немедленно призвать тебя, князь, въ Новгородъ и просить тебя быть нашимъ новгородскимъ воеводою съ тѣмъ, чтобы, набравъ у насъ, въ городѣ, охочихъ людей, итти вмѣстѣ съ ними и съ союзнымъ шведскимъ войскомъ, если таковое явится къ намъ своевременно изъ Швеціи. По волѣ всѣхъ участниковъ вѣча, его постановленіе приказано написать вѣчевымъ дьячкамъ; намъ же, старостамъ новгородскимъ, Ивану Попову, Степану Антонову, Игнатію Дурыгину, Аѳанасію Квашнину и Димитрію Лушникову, приказано было съ этимъ вѣче-

вымъ приговоромъ явиться къ тебѣ, дорогой нашъ князь Михаилъ Васильевичъ, и бить тебѣ челомъ, не оставить насъ, сирыхъ, на произволъ столь многочисленныхъ въ нашу тяжелую годину враговъ и не дать намъ въ конецъ погибнуть отъ супостатовъ, угрожающихъ нынѣ всей русской землѣ! Въ случаѣ же твоего отказа мы, согласно вѣчевому приговору, не должны возвращаться въ Новгородъ, а должны итти въ Москву упрашивать царя Василія, давъ ему предварительно клятвенное обѣщаніе вѣрности, чтобы онъ, государь, уговорилъ тебя, князь, положить гнѣвъ на милость и стать во главѣ новгородскаго ополченія, готоваго итти на освобожденіе Москвы. Великій гнѣвъ и ярость народная ожидаютъ насъ въ Новгородѣ, если ни мы, старосты, ни царь Василій — никто не уговоритъ тебя, князь, возвратиться въ Новгородъ. При одной мысли о могущемъ постигнуть насъ несчастіи сердце наше обливается кровью, нервная дрожь пробѣгаетъ по всѣму тѣлу, и паническій страхъ готовъ овладѣть всѣмъ нашимъ существомъ. Ты не можешь себѣ представить, дорогой нашъ князь Михаилъ Васильевичъ, какъ въ данный моментъ мы всѣ, пришедшіе къ тебѣ старосты новгородскіе, сгораемъ нетерпѣніемъ узнать поскорѣе о твоемъ рѣшеніи. Если ты, князь, на что-либо опредѣленное рѣшился, то не мучь насъ, скажи скорѣе о томъ, что надумалъ дѣлать. Но помни, князь, что отъ твоего рѣшенія зависитъ судьба не только нашего города, но и другихъ многихъ русскихъ городовъ, которые,

по большей части, слѣдуютъ примѣру Новгорода Великаго!

— Гласъ народа—гласъ Божій! Иду съ вами, мои друзья, въ Новгородъ!—весело, но рѣшительно промолвилъ Скопинъ, ласково смотря на новгородскихъ старостъ—Ивана Попова съ товарищами, котораго, когда онъ окончилъ свою рѣчь, дружески потрепалъ по плечу.

Послѣ того Скопинъ вышелъ вонъ изъ избы, чтобы приказать своимъ людямъ, которые находились въ сосѣднихъ избахъ, приготовляться въ путь-дорогу.

IV.

Было свѣжее и ясное весеннее утро, когда, вскорѣ по пріѣздѣ князя Скопина со старостами въ Новгородъ, рѣшено было созвать вѣче на такъ называемомъ Ярославовомъ дворѣ. Яркіе лучи весенняго солнца отражались ослѣпительнымъ блескомъ въ золоченыхъ крестахъ новгородскихъ церквей—Успенія Богородицы, св. Николая чудотворца, св. Параскевы Пятницы, св. Прокопія, свв. отецъ, свв. женъ-мироносицъ, находившихся на Княжемъ, или Ярославовомъ дворѣ. Эта площадь, называемая въ старину дворомъ, занимала пространство отъ церкви Успенія Богородицы, которое съ сѣвера граничило съ рѣкою Волховомъ, нагорный берегъ которой со многими небольшими домиками, разбросанными среди густой зелени полей и небольшихъ рощицъ на покатой возвышенности, пред-

ставлялъ живописный видъ; съ юга это пространство (т.-е. Ярославовъ дворъ) граничило съ улицею, которая впослѣдствіи называлась Большою Михайловскою; съ запада—Ильинскою улицею, а съ востока—Гостинымъ дворомъ.

Въ то утро, когда должно было состояться въ Новгородѣ вѣчевое собраніе, народъ, сгоняемый бирючами, толпами валилъ со Знаменской, съ Большой Московской, Михайловской и Дворцовой улицъ мимо Гостинаго двора на ту часть Ярославова двора, которая расположена была къ сѣверу отъ церквей св. Параскевы Пятницы и св. Николая чудотворца и къ востоку отъ церкви свв. женъ-мироносицъ, гдѣ находилась каменная башня, обыкновенно называемая башнею Ярослава. Въ этой башнѣ помѣщалась канцелярія вѣчевыхъ дьяковъ, на обязанности которыхъ было составленіе вѣчевыхъ грамотъ и приговоровъ. Туда же, т.-е. по направленію къ Ярославовой башнѣ, устремлялись новгородцы съ улицы Ильинской, съ Словенской и Михайловской набережной мимо церквей св. Прокопія и свв. женъ-мироносицъ.

— Не знаешь ли, братъ Ѳедоръ, зачѣмъ сегодня мы собираемся на вѣче?—спрашивалъ молодой сынъ купеческій, одѣтый въ щегольской кафтанъ, сшитый изъ золотой парчи; на головѣ у него была небольшая шапочка, такъ называемая тафья, богато вышитая шолкомъ и золотомъ и украшенная жемчугомъ; на ногахъ — сапоги изъ сафьяна, вышитые жемчугомъ.

— Мнѣ вчера разсказывалъ земскій дьячокъ Панфиловъ, — такъ говорилъ пожилой купецъ, у котораго сверхъ кафтана было надѣто распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи, называемое ферязью, подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ; на головѣ у него была, сверхъ тафьи, большая шапка изъ мѣха чернобурой лисицы, — что сегодня князь Скопинъ будетъ собирать охочихъ ратныхъ людей, готовыхъ во всякое время выступить въ походъ противъ полковника Керпозицкаго, который, по приказанію тушинскаго вора, идетъ на Новгородъ съ толпою поляковъ и воровскихъ шаекъ тушинскаго царя. Затѣмъ предполагается на вѣчѣ разсмотрѣть и рѣшить вопросъ: возможно ли довѣрить новгородское ополченіе нашему воеводѣ Михайлу Игнатьевичу Татищеву, который вызвался итти въ походъ противъ тушинскаго полковника Керпозицкаго. При рѣшеніи этого вопроса надо было прежде всего опредѣлить, насколько справедливы нареканія и обвиненія недоброжелателей воеводы Татищева, которые сказали про него князю Скопину: „Татищевъ затѣмъ идетъ на Литву, чтобы измѣнить царю Василію и сдать Новгородъ!“ Кромѣ того, среди новгородскаго простонародья ходятъ слухи, что князь Скопинъ и къ бѣдному люду Новгорода Великаго будетъ такъ же добръ, щедръ и милостивъ, какимъ онъ многократно бывалъ въ отношеніи къ московскимъ бѣднякамъ. Насколько справедливы всѣ эти слухи, это покажетъ сегодняшнее вѣче. А пока пойдемъ поближе къ Яро-

славовой башнѣ, чтобы услышать, что скажетъ князь Скопинъ.

— Эхъ, тяжелыя времена переживаемъ мы теперь, — такъ говорилъ со вздохомъ хромой сѣденькій старичокъ, съ трудомъ передвигая свои больныя ноги и усиленно опираясь на двѣ палки, бывшія въ его рукахъ: — одни говорятъ, что всего хорошаго надо ждать отъ тушинскаго царя, другіе утверждаютъ, что нѣтъ лучшаго царя, какъ царь Василій, тотъ самый государь Василій Ивановичъ, который, испугавшись волненій во Псковѣ, поспѣшилъ исполнить желаніе псковскаго воеводы, Шереметева, отпустивъ восвояси четырехъ псковичей, коимъ угрожала смертная казнь. Былъ на Руси одинъ царь, который никого и ничего не боялся, но передъ которымъ всѣ трепетали, особенно бояре, творившіе всякія неправды и насилія, это—царь Иванъ Васильевичъ Грозный; послѣ него было нѣсколько царей, которые всего боялись, кромѣ худыхъ дѣлъ и неправдъ.

— Эхъ, дѣдушка, дѣдушка, какъ бы тебѣ головы не снести за твои смѣлыя и дерзкія рѣчи, — озираясь кругомъ, промолвилъ краснощекій молодой крестьянинъ, повидимому, заинтересовавшись разсужденіями стараго посадскаго человѣка:—ужъ не такъ худы теперь люди, окружающіе царя Василія, какъ ты ихъ выставляешь. Есть, правда, среди бояръ немало такихъ алчныхъ и хищныхъ волковъ, которые готовы расхитить все стадо овецъ; но зато есть и такіе безкорыстные и безсребреные люди, какъ князь Скопинъ, кото-

рый готовъ все свое раздать бѣдному люду и ничего за это не потребуетъ!

— А ты видѣлъ, братъ Семенъ, какъ Скопинъ помогалъ бѣднякамъ? Ты скажешь, что другіе видѣли и разсказали тебѣ; но у меня, мой другъ, такое правило: не всякому слуху вѣрь! Поэтому, пока я самъ не увижу князя Скопина, помогающаго бѣднымъ, никому не повѣрю. Поэтому, лучше ты мнѣ его не хвали! Бранить его слѣдуетъ за излишнюю его поспѣшность: двухъ дней народнаго волненія въ Новгородѣ Великомъ для него было достаточно, чтобы бѣжать изъ этого города. Не случись тамъ митрополита Исидора, и новгородское ополченіе осталось бы безъ предводителя, но въ ожиданіи скораго непріятеля, въ лицѣ полковника Керпозицкаго. Ну, пойдемъ, братъ Семенъ, поближе къ тому мѣсту, гдѣ будетъ говорить князь Скопинъ; послушаемъ его умныхъ рѣчей, авось и сами умнѣй станемъ,— улыбаясь, сказалъ старикъ и скрылся въ многочисленной толпѣ народа.

— Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій желаетъ говорить народу! — кричали бирючи, пробѣгая черезъ толпу народа и унимая тѣхъ, кто громко говорилъ и спорилъ съ сосѣдомъ.

Когда затихла шумная толпа народа и среди тишины стали раздаваться въ толпѣ не громкіе, но ясные возгласы: „Мы слушаемъ! Тутъ князь говоритъ!“ — на возвышенное мѣсто близъ Ярославовой башни, съ которой новгородскіе ораторы обыкновенно произносили свои рѣчи, взо-

шелъ князь Скопинъ-Шуйскій и, обратясь ко всѣмъ присутствовавшимъ на вѣчѣ, отыскивая глазами вожаковъ меньшихъ (т.-е. народной партіи), сказалъ:

— Друзья мои! Давно на Руси не бывало такого бѣдственнаго и тяжелаго для всего русскаго народа времени, какое мы переживаемъ нынѣ, когда внѣшніе и внутренніе враги готовы растерзать на части великое московское государство, при чемъ литва поганая и поляки-католики готовы уничтожить православную Церковь на святой Руси. Переживая такую тяжелую годину, мы должны оставить, хотя бы на время, наши взаимныя распри, ссоры, усобицы. Черные люди (т.-е. крестьяне - земледѣльцы и ремесленники) должны забыть о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія приходилось имъ претерпѣвать отъ людей знатныхъ и богатыхъ, отъ своихъ правителей; люди же вячшіе (т.-е. лучшіе или по происхожденію, напримѣръ, бояре, или же по тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, коими обладали, напримѣръ, крупные новгородскіе торговцы) пусть забудутъ тѣ обиды, какія имъ причиняли меньшіе люди (т.-е. народъ) въ Новгородѣ, не выбирая этихъ бояръ и богатыхъ купцовъ на тѣ должности, какихъ они добивались, или же не оказывая имъ того почета и уваженія, какіе были имъ желательны. Пусть помыслы всѣхъ васъ, мои друзья, обратятся нынѣ къ единой мысли о спасеніи православной вѣры, которой вы преданы всей душою, къ заботѣ о столь любимой всѣми вами родинѣ и къ сознанію того,

что какъ православная вѣра, такъ и святая Русь могутъ быть спасены отъ угрожающей ей въ настоящее время гибели лишь единою властью московскаго государя. Подобно тому, какъ кіевская Русь нѣкогда была спасена единою властью Владимира Святого, Ярослава Мудраго и Владимира Мономаха отъ угрожавшаго ей разгрома со стороны кочевыхъ народовъ, приходившихъ постоянно изъ Азіи и кочевавшихъ десятки лѣтъ въ южно-русскихъ степяхъ, такъ и московская Русь, еще такъ недавно, благодаря самодержавной неограниченной власти своихъ государей, сумѣвшая уничтожить монгольское иго и разрушить два царства татарскія—казанское и астраханское, въ настоящее время должна искать свое спасеніе ни въ помощи польскаго короля, какъ этого желаютъ тѣ русскіе бояре, которые не прочь избрать на московскій престолъ польскаго королевича Владислава или даже самого короля Сигизмунда,— не въ помощи польскаго короля или его пособника, тушинскаго вора, должна искать московская Русь спасеніе отъ угрожающаго ей всеобщаго разоренія отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ нашихъ, а въ единой власти московскаго государя, которая уже спасла православную Русь отъ нехристей-татаръ и должна впредь спасти нашу родину отъ пагубнаго вліянія католиковъ-поляковъ. Не сегодня, такъ завтра придетъ къ намъ, въ Новгородъ, изъ Тушина полковникъ Керпозицкій съ войскомъ, состоящимъ изъ поляковъ и русскихъ воровъ. Въ виду такой близкой опасности

оставимъ, мои друзья, наши прежніе счеты, распри и усобицы и будемъ помнить, что единая верховная власть находится въ рукахъ нашего истиннаго царя Василія, что другого царя, пока онъ живъ, нѣтъ и быть не можетъ, и что неподчиненіе его власти и измѣна ему — все равно, что измѣна своей родинѣ и своей православной вѣрѣ. Кромѣ всеобщаго разоренія и потери самобытнаго существованія нашей родины, ничего другого и лучшаго нельзя ожидать отъ такой измѣны. Поэтому, мои друзья, я хотѣлъ бы сейчасъ же узнать, кто изъ васъ остался вѣренъ своему православному царю, великому князю и государю Василію Ивановичу, и готовъ ему такъ же служить вѣрою и правдою, какъ ваши предки служили великимъ князьямъ кіевскимъ: Владимиру Святому, Ярославу Мудрому и Владимиру Мономаху. Пусть каждый изъ васъ, мои друзья, кто пожелаетъ помочь царю Василію освободить Москву отъ разбойничьихъ шаекъ тушинскаго вора, идетъ сюда, въ Ярославову башню, гдѣ вѣчевые дьяки запишутъ всѣхъ васъ поименно и по статьямъ, смотря потому, какого кто происхожденія, а затѣмъ эти списки представятъ мнѣ. Изъ васъ, ратныхъ охочихъ людей, я составлю завтра же ополченіе, одно или два, смотря по числу желающихъ; и съ однимъ изъ нихъ завтра же, не позже послѣзавтра, или самъ выступлю въ походъ противъ полковника Керпозицкаго, идущаго съ тушинскимъ отрядомъ къ намъ, въ Новгородъ, или отправлю кого-либо изъ васъ, мои друзья, болѣе

опытнаго и искуснаго въ ратномъ дѣлѣ. А пока вѣчевые дьяки будутъ переписывать поименно и по статьямъ всѣхъ ратныхъ охочихъ людей, я пошлю одного изъ вашихъ старостъ, кто помоложе и побыстрѣе, на московскую дорогу, по которой могутъ прійти къ намъ воровскія шайки поляковъ и русскихъ изъ села Тушина; пусть онъ спроситъ на ямскихъ дворахъ, не видалъ ли кто изъ ямщиковъ или изъ пріѣхавшихъ изъ Москвы бояръ и купцовъ на этой дорогѣ тушинскихъ поляковъ и русскихъ воровъ; если видѣлъ, пусть о томъ намъ сообщитъ!

Сойдя съ возвышенія, князь Скопинъ отошелъ въ ту сторону, гдѣ стояли извѣстные намъ старосты — Иванъ Поповъ съ товарищами; обратясь къ нимъ, онъ сказалъ:

— Пусть кто-нибудь изъ васъ, кто помоложе и побыстрѣе, отправится на московскую дорогу и, разузнавъ на ямскихъ дворахъ о движеніи тушинскаго отряда полковника Керпозицкаго, пусть немедленно возвратится сюда съ извѣстіемъ о мѣстонахожденіи союзнаго отряда поляковъ и русскихъ воровъ, чтобы намъ не опоздать выступленіемъ въ походъ!

Въ ожиданіи возвращенія старосты Димитрія Лушникова, Скопинъ сталъ разговаривать съ новгородскими старостами о приготовленіяхъ къ выступленію въ походъ того отряда, который долженъ былъ составиться изъ новгородскихъ охочихъ людей, во множествѣ направлявшихся къ Ярославовой башнѣ. Раскраснѣвшіяся лица вѣчевыхъ дьяковъ свидѣтельствовали о томъ спѣхѣ и

торопливости, съ какими происходили записыванія ратныхъ охочихъ людей Новгорода Великаго поименно и по статьямъ.

Послѣ того, какъ сошелъ князь Скопинъ съ возвышенія, поднялся шумъ на вѣчевой площади; начались разговоры новгородцевъ по отдѣльнымъ группамъ. Скопинъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за движеніемъ охочихъ ратныхъ новгородцевъ, замѣчая, что большинство ихъ—крестьяне, и прислушивался къ возгласамъ, которые раздавались въ разныхъ мѣстахъ вѣчевой площади.

— Ай да молодецъ нашъ князь Скопинъ! Какъ онъ просто и разумно объяснилъ всѣмъ намъ, что безъ царя московскаго можемъ всѣ мы погибнуть въ конецъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, что великое и всеобщее разореніе ожидаетъ какъ новгородскую, такъ и другія русскія земли, если мы, новгородцы, какъ и жители иныхъ городовъ русскихъ, всѣ наши помыслы не обратимъ на спасеніе нашей православной вѣры, нашей родины при помощи единой власти великаго князя, царя и государя московскаго Василія Ивановича, что союзъ съ тушинскимъ воромъ, пособникомъ польскаго короля-католика, не спасетъ насъ, а погубитъ, такъ какъ король Сигизмундъ помогаетъ тушинскому вору для того только, чтобы поселить раздоръ въ московскомъ государствѣ, въ русскомъ народѣ, чтобы раздѣлилось царство русское надвое, и было два царя и двои люди несогласіемъ. Зная, что всякій раздоръ, несогласіе и усобицы ведутъ къ

ослабленію государства, польскій король и хочетъ воспользоваться этимъ ослабленіемъ нашего государства, чтобы завладѣть московскимъ престоломъ, — такъ говорилъ молодой крестьянинъ, Петръ Ѳедоровъ, обращаясь къ старику Андрею Семенову.

— Правильно ты, братъ Петръ, разсуждаешь, — замѣтилъ старый крестьянинъ Андрей, поглаживая рукою свою длинную сѣдую бороду, — полагая, что всѣ мы, и новгородцы и жители другихъ городовъ московской Руси, переживаемъ такую тяжелую годину, когда никто изъ насъ не знаетъ сегодня, что будетъ съ нимъ завтра: попадетъ ли онъ въ плѣнъ къ полякамъ и будетъ многія лѣта, до заключенія мира русскимъ царемъ съ Польшею, томиться въ какой-нибудь вонючей тюрьмѣ среди нехристей-поляковъ, или захватятъ его воровскія шайки тушинскаго царя и потащутъ присягать въ вѣрности самозванцу; въ случаѣ же нежеланія служить незаконному царю, каждаго изъ насъ ожидаетъ смертная казнь; живя въ такое тяжелое и бѣдственное для всѣхъ время, когда величайшая опасность угрожаетъ и нашей православной вѣрѣ и нашей родинѣ, мы должны быть благодарны князю Скопину, что онъ указалъ намъ тотъ путь, идя по которому мы можемъ обрѣсти спасеніе и разъ навсегда избавиться отъ величайшаго зла, гнетущаго всѣхъ насъ, отъ „раздѣленія царства русскаго и народа надвое“; путь этотъ — единеніе жителей всѣхъ русскихъ городовъ во имя право-

славной вѣры и во имя единой власти московскаго царя! Но одно мнѣ не нравится въ юномъ князѣ Скопинѣ: онъ не похожъ на другихъ древнерусскихъ князей, которые бывали неоднократно въ Новгородѣ Великомъ и пользовались здѣсь большимъ вліяніемъ: онъ держитъ себя слишкомъ просто и смиренно въ отношеніи къ простому народу. Прежніе князья, когда присутствовали на вѣчѣ и обращались съ рѣчью къ народу, по окончаніи своей рѣчи или совсѣмъ удалялись съ мѣста вѣчевого собранія, или же оставались все время на возвышеніи, въ ожиданіи отвѣтныхъ возгласовъ на свою рѣчь, при чемъ, во все время пребыванія князя на возвышеніи, простой народъ не смѣлъ галдѣть и шумѣть; а каждый, желавшій отвѣчать или возразить на рѣчь князя, долженъ былъ о своемъ желаніи заявить или непосредственно князю, если онъ стоялъ вблизи возвышенія, гдѣ находился произносившій свою рѣчь князь, или же сообщить о своемъ намѣреніи держать рѣчь бирючамъ, которые сновали взадъ и впередъ по вѣчевой площади; эти послѣдніе и передавали самому князю, что такой-то новгородецъ проситъ у него, князя, разрѣшенія произнести рѣчь на вѣчевомъ собраніи. Если же бирючи были на другой сторонѣ площади, то они своимъ зычнымъ голосомъ объявляли всему народу, присутствовавшему на вѣчѣ, что такой-то бояринъ, или купецъ, или ремесленникъ, или же земледѣлецъ желаетъ рѣчь держать народу. Кто говорилъ толково и вразумительно, того слушали

съ большимъ вниманіемъ; кто же путался въ изложеніи своихъ мыслей и знаній, тому кричали: „Сегодня помолчи, завтра лучше скажешь!“ Сконфуженный такимъ возгласомъ неудачный ораторъ обыкновенно тотчасъ же умолкалъ. Посмотри же и послушай теперь, какой шумъ раздается по всей площади! Въ старину никто бы не сказалъ, что князь присутствуетъ ва вѣчѣ!

— Полно тебѣ, дѣдушка Андрей, — съ досадою прервалъ рѣчь старика молодой крестьянинъ Петръ, — хвалить древненовгородскихъ князей и хулить князя Скопина! Мнѣ на дняхъ разсказывалъ вѣчевой дьякъ, Прокопій Симахинъ, что своихъ князей новгородцы по большей части не любили, такъ что изгнаніе ихъ изъ Новгорода Великаго повторялось чуть не ежегодно. Неужели, дѣдушка, стали бы новгородцы изгонять своихъ князей, если бы ихъ князья были хороши. Послушай-ка, дѣдушка, новгородскія народныя пѣсни и ты увидишь, что никого изъ своихъ князей они не любили; никого не считали достойнымъ воспѣванія въ своихъ пѣсняхъ. А князю Скопину недавно минуло двадцать два года, а про него идетъ слухъ по всѣмъ русскимъ городамъ, что добрѣе, справедливѣе и умнѣе князя давно не было на Руси. На прошлой недѣлѣ мнѣ разсказывалъ одинъ рязанскій гость (т.-е. крупный торговецъ), что во многихъ городахъ жители, особенно черные люди, поговариваютъ о томъ, какъ бы хорошо жилось простому народу, если бы московскимъ

государемъ былъ не царь Василій, а князь Скопинъ.

— Въ такое смутное время, какое мы переживаемъ нынѣ, не добрый и милостивый намъ нуженъ государь, а грозный и строгій, какимъ былъ, напримѣръ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, — нѣсколько нахмурясь, замѣтилъ старый крестьянинъ Андрей.

— А зачѣмъ ты, дѣдушка, забываешь, — съ горячностью возразилъ Петръ Ѳедоровъ, — что Иванъ Грозный былъ жестокъ и грозенъ лишь въ отношеніи къ боярамъ, измѣнявшимъ православной вѣрѣ, своей родинѣ и своему народу, а къ простымъ людямъ, особенно къ намъ, бѣднымъ ремесленникамъ и земледѣльцамъ, царь Иванъ Васильевичъ былъ всегда милостивъ и справедливъ. О, какъ бы хорошо всѣмъ намъ жилось бы, — вполголоса прибавилъ Петръ, наклоняясь къ уху своего стараго собесѣдника, — если бы удалось когда-нибудь нашему князю Скопину сдѣлаться московскимъ государемъ!

— Поживемъ, такъ увидимъ! — замѣтилъ недовольнымъ тономъ старикъ Андрей.

— Ну, какъ по-вашему, Акинфій Степановичъ, — нѣсколько вкрадчивымъ тономъ спрашивалъ худощавый купецъ Хлоповъ солиднаго по виду новгородца въ боярскомъ костюмѣ: на головѣ у него была большая шапка изъ мѣха чернобурой лисицы, на немъ сверхъ кафтана, сшитаго изъ золотой парчи, было надѣто распашное платье изъ дорогой шелковой матеріи (называе-

мое въ старину ферязью), подбитое мѣхомъ и обшитое золотымъ галуномъ; на ногахъ были у него сапоги изъ сафьяна, вышитые жемчугомъ,— придется, кажется, намъ признать своимъ государемъ царя Василія; не могу я уважать того, который, какъ онъ, царь, боится своихъ подданныхъ!

— Не въ томъ бѣда, что онъ боится своихъ подданныхъ, въ этомъ, какъ говорится, полбѣды, а въ томъ великое для всѣхъ насъ, знатныхъ и богатыхъ людей, несчастье, что донесетъ на насъ какой-нибудь подлый нашъ холопъ, желая поживиться царскимъ жалованьемъ, и станетъ насъ обвинять въ измѣнѣ своей вѣрѣ и государю, и, безъ дальнихъ разспросовъ, сошлютъ насъ туда, куда Макаръ телятъ своихъ не загоняетъ, какъ это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ однимъ изъ моихъ родственниковъ. Еще недавно мнѣ разсказывалъ мой пріятель, царскій посолъ Поропинъ, который нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Польшѣ, что куда легче, свободнѣе и безопаснѣе чѣмъ намъ, русскимъ боярамъ, живется польскимъ панамъ и магнатамъ. Не смѣетъ король ихъ и подумать о томъ, чтобы казнить кого-либо изъ своихъ знатныхъ подданныхъ безъ особенно тяжкой и всѣмъ извѣстной вины: такой панъ долженъ или посягнуть на жизнь короля, или убить „ясновельможнаго пана“ безъ всякаго повода и вины со стороны послѣдняго. Не знаю, какъ для простого народа, хотя, по-моему, кого ни дай правителемъ нашимъ холопамъ, чернымъ людямъ,

всегда они будутъ бѣдствовать вслѣдствіе своего невоздержанія, постояннаго пьянства и вѣчной лѣности, но для насъ, знатныхъ и богатыхъ людей, куда лучше, любезнѣйшій Никита Ильичъ,— прибавилъ бояринъ болѣе тихимъ голосомъ, чтобы окружающіе не могли его разслышать,—польскіе порядки, чѣмъ московскіе; и я скажу тебѣ, какъ своему пріятелю, по секрету, что я охотнѣе согласился бы признать государемъ московскимъ тушинскаго царя, чѣмъ Василія Ивановича. Намъ, боярамъ, особенно, если бы стали мы дѣйствовать дружно и согласно, какъ одинъ человѣкъ, было бы легче, чѣмъ при царѣ Василіи, установить и учредить въ московскомъ государствѣ польскіе порядки. Какъ бы было намъ, боярамъ, пріятно сознавать и чувствовать совершенную безопасность въ своемъ положеніи, полное отсутствіе произвола въ дѣяніяхъ московскаго царя, какъ судьи; не могли бы тогда наши подлые холопы, изъ личной мести къ нѣкоторымъ изъ насъ, наговаривать и клеветать московскому государю на насъ и путемъ обмана и клеветы губить тѣхъ изъ насъ, которые не сумѣли угодить и понравиться своимъ слугамъ-холопамъ.

— Князь Скопинъ желаетъ говорить народу!— прокричали бѣжавшіе мимо боярина новгородскаго бирючи.

Дѣйствительно, на возвышеніи близъ Ярославовой башни снова показался Скопинъ и, обращаясь къ стоявшимъ передъ нимъ новгородцамъ, сказалъ:

— Друзья мои! Только что я получилъ извѣстіе о томъ, что полковникъ Керпозицкій, идущій на Новгородъ Великій съ толпою поляковъ и русскихъ воровъ, находится въ данный моментъ въ селѣ Борки по московской дорогѣ на разстояніи одного дня пути отъ нашего города. Ополченіе преимущественно изъ черныхъ людей (т.-е. крестьянъ) завтра будетъ приготовлено къ выступленію въ походъ. Остается намъ выбрать воеводу. Вашъ воевода, Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ, берется совершить походъ противъ тушинскаго отряда полковника Керпозицкаго съ полнымъ успѣхомъ. Нѣкоторые изъ васъ, мои друзья, какъ-то придя ко мнѣ, говорили: „Татищевъ затѣмъ идетъ на Литву, чтобы измѣнить царю Василію и сдать Новгородъ!“ Вотъ что мнѣ сказали недавно противъ вашего воеводы, Михаила Игнатьевича Татищева. Я его очень мало знаю. Вамъ извѣстны всѣ его поступки и дѣянія; вы его знаете такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. А потому, разсудите сами, какъ поступить съ нимъ.

Не успѣлъ князь Скопинъ окончить свою рѣчь, какъ отовсюду послышались громкіе угрожающаго свойства возгласы:

— Измѣнникъ онъ, негодяй—Татищевъ! Убить его надо за всѣ его злодѣянія и обиды, причиненныя имъ простымъ бѣднымъ людямъ! Если оставить его, измѣнника и негодяя, въ живыхъ, то предастъ онъ нашъ городъ, предастъ Литвѣ поганой или полякамъ нехристямъ! Вонъ онъ, подлый Іуда предатель, стоитъ какъ будто ни въ

чемъ не бывало. Пусть тѣ изъ насъ, кому дорога свобода и независимость родного нашего города— Новгорода Великаго и благополучіе его жителей, идутъ немедленно и Убьютъ этого негодяя Татищева! Убить его, душегубца и разорителя православнаго народа! убить его, подлаго предателя родного города! — такъ кричала неистово толпа народная, обезумѣвшая отъ гнѣва и страсти.

Татищевъ пытался было возражать, желая обратиться съ рѣчью къ князю Скопину и окружавшимъ его лицамъ. Но эта попытка нелюбимаго народомъ воеводы послужила лишь сигналомъ къ общему движенію противъ него новгородцевъ; услышавъ ненавистный для нея голосъ Татищева, они бросились на него, оглашая воздухъ дикими и неистовыми возгласами ярости и ненависти, и поразили его дубинами, которыя нѣкоторые новгородцы имѣли обыкновеніе носить съ собою, идя на вѣче.

Сдѣлавшись невольнымъ свидѣтелемъ разыгравшейся страсти и ярости народной толпы, князь Скопинъ, вслѣдствіе доброты своего сердца питавшій отвращеніе къ кровавымъ сценамъ, пришелъ въ ужасъ: его лицо измѣнилось и покрылось блѣдностью. Но остановить народное движеніе было невозможно. Въ головѣ Скопина мелькнула мысль, что нужно бы отправить ратныхъ людей, чтобы защитить Татищева; но онъ понялъ тотчасъ же, что убійство нелюбимаго воеводы было дѣломъ одного мгновенія; а вмѣшательство ратныхъ людей въ толпу народную могло бы повлечь

за собою совершенно напрасное кровопролитіе среди новгородцевъ; а потому, не желая быть виновникомъ цѣлаго ряда убійствъ, онъ рѣшился оставаться безмолвнымъ зрителемъ кровавой расправы новгородцевъ съ ихъ нелюбимымъ воеводою, какъ ни тяжело было это для его любящаго сердца, скорбѣвшаго всякій разъ, какъ ему приходилось быть свидѣтелемъ какого-нибудь насилія и жестокости.

Когда толпа народная, совершивъ кровавое дѣло умерщвленія воеводы Татищева и тѣмъ самымъ нѣсколько утоливъ мучившую ее жажду мести, нѣсколько успокоилась, Скопинъ обратился къ ней съ рѣчью:

— Друзья мои! Я не въ состояніи описать вамъ того ужаса, который овладѣлъ мною при мысли, что вы, не разсказавъ здѣсь, на вѣчѣ, передъ лицомъ всего народа, въ чемъ состояла главная вина воеводы Татищева, и не производя суда и расправы, самовольно убили нелюбимаго вами человѣка и тѣмъ самымъ осквернили самое мѣсто народнаго суда. Нисколько я не сомнѣваюсь въ томъ, что каждый изъ васъ, мои друзья, кто сознаетъ себя причастнымъ къ этой кровавой расправѣ съ Татищевымъ, вполнѣ искренно будетъ раскаиваться въ своемъ тяжкомъ преступленіи передъ своимъ духовнымъ отцомъ. А пока мы должны позаботиться о томъ, что дѣлать намъ съ тѣломъ покойнаго воеводы и съ оставшимся послѣ него имуществомъ. Тѣло Татищева пусть будетъ погребено хотя бы въ Антоньевѣ монастырѣ

(одинъ изъ новгородскихъ монастырей), а съ его имуществомъ мы должны поступить такъ, какъ поступали всегда въ старину въ Новгородѣ, когда оставалось имущество послѣ новгородца, или казненнаго по приговору народнаго суда, производимаго на вѣчѣ, или же умершаго послѣ такого земскаго приговора; а именно: мы должны имущество нынѣ покойнаго воеводы Михаила Игнатьевича Татищева продать съ торговъ. Затѣмъ, мои друзья, признавая правильнымъ и справедливымъ ваше обвиненіе Михаила Татищева въ измѣнѣ, я полагаю, что онъ дѣйствовалъ не одинъ, намѣреваясь предать Новгородъ въ руки враговъ православнаго русскаго народа, а съ согласія наиболѣе вліятельныхъ служилыхъ людей новгородской земли. Поэтому, я думаю отмѣнить прежнее свое рѣшеніе—предупредить нападеніе полковника Керпозицкаго и не высылать отрядъ новгородскихъ служилыхъ людей; въ случаѣ же его нападенія на нашъ городъ, выступитъ въ походъ отрядъ изъ тѣхъ ратныхъ охочихъ людей, которые будутъ набраны сегодня и имена которыхъ уже записываются въ настоящее время въ особые списки въ этой Ярославовой башнѣ вѣчевыми дьяками.

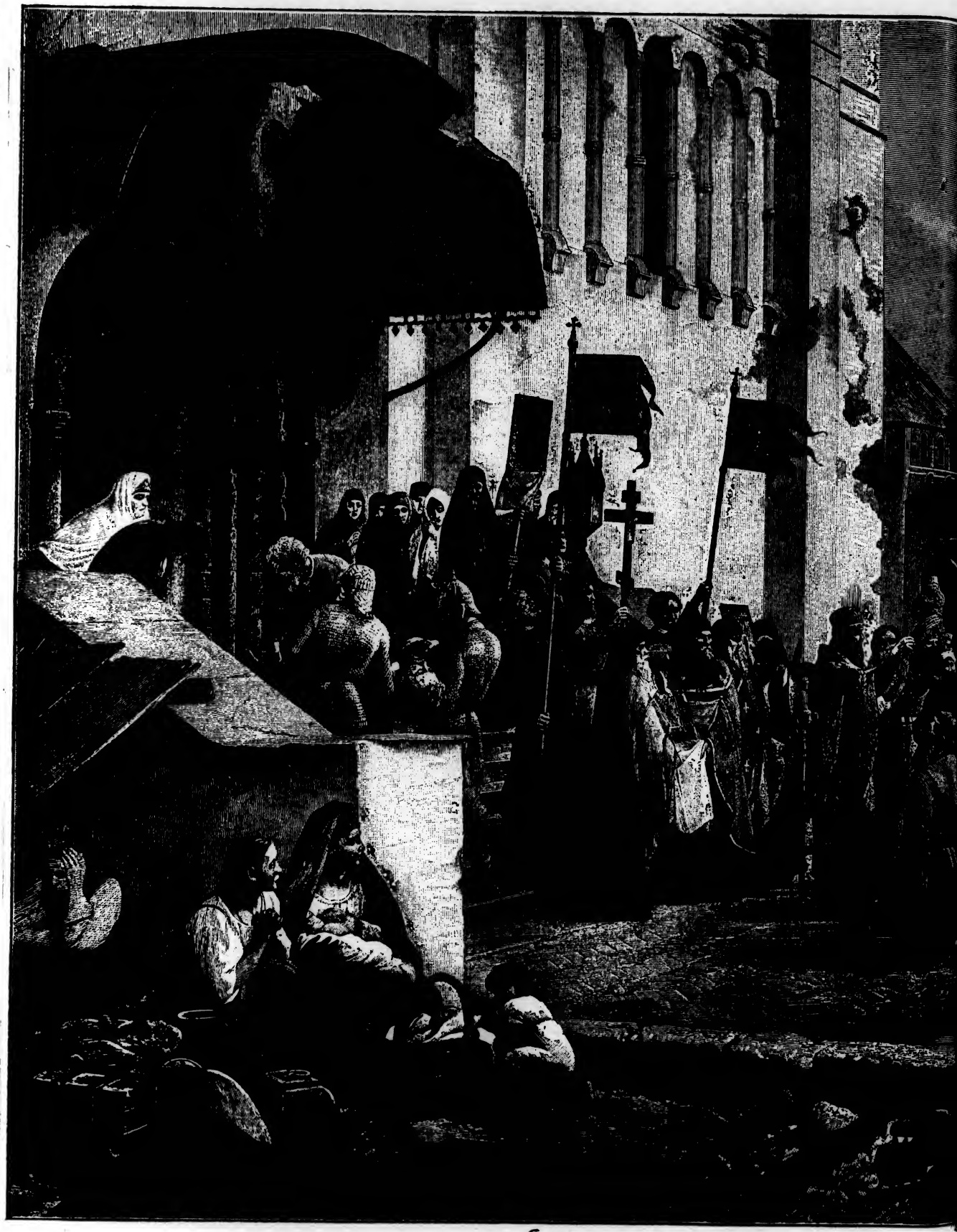
Всѣ три постановленія, предложенныя Скопинымъ вѣчевому собранію, были приняты новгородцами. Предположеніе, высказанное княземъ относительно измѣны нѣкоторыхъ новгородскихъ служилыхъ людей, не замедлило оправдаться. Вскорѣ послѣ смерти Татищева многіе изъ нихъ перешли на сторону враговъ православной Руси. Тѣло новгород-

скаго воеводы было погребено въ Антоньевѣ монастырѣ, а имущество его продано съ торговъ. Продажа имущества была совершена съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, для уплаты долговъ и удовлетворенія частныхъ претензій, заявленныхъ на Татищева въ Новгородѣ многими его жителями; во-вторыхъ, часть его имущества пошла на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. На деньги, вырученныя отъ продажи этого имущества, Скопинъ угощалъ шведовъ, а часть вещей, оставшихся послѣ Татищева, онъ подарилъ имъ же, шведамъ. Получилъ подарки, а именно: лучшее платье, оружіе, сбрую и посуду, и шуринъ Скопина, Семенъ Алексѣевичъ Головинъ, который велъ переговоры со шведами.

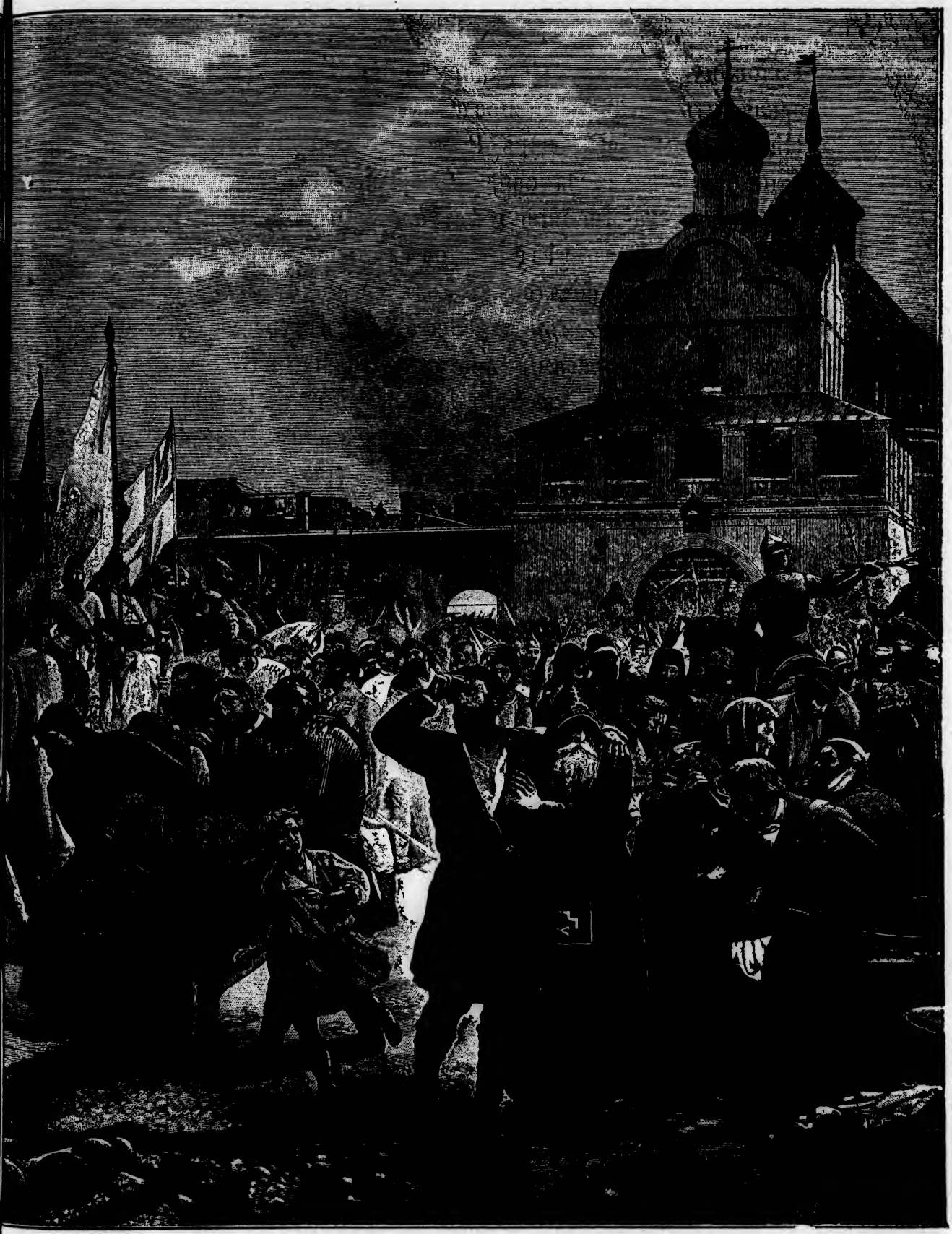
Походъ полковника Керпозицкаго, который приближался къ Новгороду съ толпою поляковъ и русскихъ воровъ и уже подступилъ къ Хутынскому монастырю, не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій для новгородцевъ; онъ ограничился взятіемъ въ плѣнъ нѣкоторыхъ крестьянъ, входившихъ въ составъ земскаго ополченія, снаряженнаго для защиты города. Когда этихъ крестьянъ, приведя въ станъ полковника Керпозицкаго, подвергли пыткѣ, они показали, что къ Новгороду приближается большое войско. Керпозицкій испугался и отступилъ въ Старую Руссу.

V.

Еще въ декабрѣ 1608 г. Скопинъ увѣдомлялъ сѣверные города о скорой помощи изъ Швеціи, но только въ концѣ 1609 г. Семену Алексѣевичу



Защитники Свято-



Троицкой лавры.

Головину и дьяку Сыдавному-Зиновьеву удалось заключить договоръ со шведскимъ правительствомъ. На основаніи его, царь Василій Ивановичъ Шуйскій отказывался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію и уступалъ Швеціи городъ Корелу со всѣмъ уѣздомъ; обѣ стороны обязались безъ взаимнаго согласія не заключать отдѣльнаго мира съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ и быть общими врагами противъ Польши. Шведы, воюя въ Россіи, должны были щадить русскіе города и даже плѣнныхъ русскаго происхожденія. Шведскій король Карлъ IX обязался выставить на помощь русскому царю Василію 2000 конницы, 3000 пѣхоты и неопредѣленное число волонтеровъ (т.-е. добровольцевъ). Это послѣднее обязательство шведы выполнили въ точности: кромѣ пяти тысячъ наемниковъ, они выставили еще около десяти тысячъ человѣкъ всякаго разноплеменнаго сброда; этотъ сборный отрядъ, который имѣлъ своимъ предводителемъ Якова Делагарди, получившаго военное воспитаніе въ хорошей школѣ, состоялъ изъ шведовъ, шотландцевъ, датчанъ, англичанъ, нѣмцевъ и французовъ. Русскій царь, въ свою очередь, обязался, въ случаѣ нужды, отправить къ королю на помощь столько же ратныхъ людей, наемныхъ и безденежно, сколько въ настоящемъ случаѣ король посылаетъ къ нему, при чемъ плата наемныхъ должна быть совершенно одинаковою. Шведы обязались къ русскимъ ворамъ не приставать и царю Василію не измѣнять; у князя Михаила Скопина быть въ по-

слушаньѣ и совѣтѣ и самовольствомъ ничего не дѣлать. Но еще позже исполнились заявленія Скопина о скоромъ выступленіи изъ Новгорода: только 14 апрѣля 1609 г. шведская рать во главѣ съ Делагарди приближалась къ Новгороду. Отъ города верстъ за семьдесятъ прибылъ къ нему посланный князя Скопина-Шуйскаго и просилъ, чтобы онъ не велъ всего войска въ самый Новгородъ, ограничился бы 3600 человѣкъ, а остальные отряды расположилъ въ Тесовѣ (село Тесово находилось близъ Новгорода). 14 апрѣля новгородцы устроили торжественную встрѣчу шведскому полководцу Делагарди: при его приближеніи палили изъ ружей и пушекъ. Скопинъ привѣтствовалъ его въ городѣ. Первое свиданіе двухъ вождей на глазахъ русскаго народа и шведскаго отряда произвело благотворное, ободряющее дѣйствіе на всѣхъ присутствовавшихъ. По словамъ шведскаго писателя Видекинда, „Скопинъ произвелъ на шведовъ самое благопріятное впечатлѣніе. Имѣя отроду всего 23 года, онъ отличался статнымъ видомъ, умомъ зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостью, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться съ иностранцами“.

Обратясь къ князю Скопину, шведскій полководецъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Его величество король шведскій Карлъ IX слышалъ о бѣдствіяхъ московской земли, которую, по наученію поляковъ и ихъ короля Сигизмунда, терзаютъ обманщики, называясь членами царствен-

наго дома, и губятъ землю и народъ. Чтобы пресѣчь зло въ началѣ, пока оно не успѣло развиться, его величество, нашъ король, по просьбѣ вашего государя, послалъ на помощь нѣсколько тысячъ ратныхъ людей, а когда нужно будетъ, пришлетъ еще и болѣе для освобожденія московскаго государства отъ страха ложныхъ царей. Король желаетъ, чтобы вашъ государь и все московское государство процвѣтали вѣчно, а враги, причинившіе вашему народу столько зла, получили бы достойное наказаніе на страхъ другимъ.

Князь Скопинъ, по русскому обычаю, поклонился до земли, прикоснувшись къ ней рукою. Затѣмъ, онъ произнесъ отвѣтную рѣчь, въ которой онъ старался скрыть настоящее положеніе дѣлъ московскаго государства и представить ихъ въ лучшемъ видѣ, чтобы не дать союзникамъ права думать, что отъ нихъ однихъ зависитъ все спасеніе земли русской. Въ своей отвѣтной рѣчи Михаилъ Васильевичъ Скопинъ говорилъ слѣдующее:

— Благодаримъ и вся земля русская благодаритъ великаго короля шведскаго Карла, за то, что онъ, по христіанскому милосердію, оказываетъ намъ помощь. Великій государь нашъ царь и великій князь Василій Ивановичъ, слава Богу, находится въ благополучіи, и всѣ подданные московскаго государства ему прямятъ; только какихъ-нибудь тысячъ восемь русскихъ бездѣльниковъ, по незнанію, пристало къ четыремъ тысячамъ поляковъ, да къ двумъ тысячамъ казаковъ да къ разнымъ разбойникамъ, и они заложили дорогу

къ Москвѣ, Смоленску и Новгороду. Мы доселѣ противъ нихъ не ходили большою силою, ожидая вашего прихода; они выбѣгаютъ изъ своихъ укрѣпленій, пустошатъ безпощадно наши земли и, какъ только замѣтятъ приближеніе русской рати, тотчасъ же прячутся за валы, въ остроги, но городскіе жители имъ не довѣряютъ. Мы же здѣсь уже тридцать семь недѣль стоимъ. Новгородскую землю опустошили тысячи двѣ литовскихъ людей, да тысячи четыре московской земли воровъ, и нашихъ городскихъ людей побито сотни четыре; но только услышали воры, что вы приходите, тотчасъ и убѣжали изъ Новгорода: одни въ воровской тушинскій обозъ, а другіе въ Старую Руссу. Просимъ великаго короля вашего Карла и тебя, Делагарди, искуснаго полководца шведскаго, чтобы своихъ людей велъ прямо изъ селенія Тесова на Старую Руссу; какъ только слухъ разойдется по московской землѣ, что вы пришли, такъ многіе, кои теперь отложились, принесутъ прежнюю покорность.

Тогда же Делагарди замѣтилъ князю Скопину, что прежде надобно утвердить договоръ, заключенный въ Выборгѣ, заплатить жалованье войску и дать ему отдыхъ послѣ долгаго пути.

24 апрѣля Выборгскій договоръ былъ скрѣпленъ подписью М. В. Скопина, который далъ шведскому полководцу грамоту на отдачу Швеціи города Корелы съ уѣздомъ, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія шведовъ во владѣнія московскаго государства. Отдача Корелы была важнымъ ша-

гомъ въ дѣятельности Скопина: онъ бралъ на себя обязательство отдать въ чужія руки часть русской земли, что, при тогдашней слабости царя, не могло бы, повидимому, совершиться иначе, какъ съ согласія земскаго собора; стѣсненныя обстоятельства московскаго правительства не дозволяли медлить. Скопинъ выдалъ Делагарди остальныя двѣсти рублей, въ счетъ пяти тысячъ рублей деньгами, которыя слѣдовали не въ зачетъ (т.-е. кромѣ жалованья); сверхъ того, онъ уплатилъ три тысячи собольими мѣхами, за недостаткомъ звонкой монеты. Все это не составляло и пятой чачти мѣсячнаго жалованья: платить было нечѣмъ. На угощенье шведовъ приходился, между прочимъ, и съѣстной запасъ покойнаго воеводы Татищева: всѣ пряныя зелья, моченые плоды, вино, пиво, мясной и рыбный запасы. А Делагарди получилъ отъ Скопина въ подарокъ булатный кинжалъ Татищева, стоимостью въ 25 рублей (если перевести на современную цѣнность, это составитъ нѣсколько сотъ рублей) и серебряную вызолоченную узду, въ 4 рубля.

Получивъ деньги и грамоту, Делагарди уѣхалъ къ своему войску. Итти на Старую Руссу, гдѣ стоялъ полковникъ Керпозицкій, онъ пока не рѣшался по причинѣ весенней распутицы. Удобнымъ и полезнымъ казалось шведскимъ генераламъ, пока совсѣмъ установится путь, заняться покореніемъ отпавшихъ городовъ: Пскова, Яма, Копорья. Но Головинъ и Сыдавный, по наказу Скопина, торопили Делагарди итти скорѣе на глав-

ныя силы. Планъ Скопина состоялъ въ томъ, чтобы итти прямо къ Москвѣ, не останавливаясь подъ городами, потому что всѣ города, по его расчету, должны будутъ изъявить покорность, когда Москва освободится. Скопинъ хорошо понималъ, что если заботиться о городахъ поодиночкѣ, то, можетъ-быть, съ потерею крови и силы и удастся возвратить къ повиновенію одинъ-другой городъ, но тѣ же самые города отпадутъ, какъ скоро отойдетъ отъ нихъ войско. Но главнымъ затрудненіемъ и препятствіемъ къ установленію болѣе дружелюбныхъ отношеній шведскаго отряда, пришедшаго съ Делагарди, къ русскимъ воеводамъ, Скопину и его товарищамъ, являлся недостатокъ денегъ на уплату шведамъ жалованья: московская казна была пуста. Скопинъ усердно разсылалъ грамоты въ сѣверо-восточные города, менѣе другихъ разоренные, умолялъ скорѣе собирать и присылать деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашалъ отправлять къ нему ратныхъ людей. Въ грамотахъ было, между прочимъ, сказано, что вмѣсто денегъ жители могутъ присылать соболей, суконъ, тафты и другихъ товаровъ, годныхъ для уплаты иноземнымъ ратнымъ людямъ. Нѣкоторые города поспѣшили исполнить требованіе, и часть жалованья была уплачена.

Шведскій полководецъ Делагарди думалъ прежде всего заняться очищеніемъ городовъ, признавшихъ Лжедимитрія, напримѣръ: Ямы, Копорья, Иваньгорода. Скопинъ не раздѣлялъ мнѣнія Делагарди: онъ не хотѣлъ терять время на очищеніе только

что упомянутыхъ городовъ, поэтому онъ торопилъ Делагарди итти на освобожденіе столицы отъ осады; послѣ чего, по его расчету, другіе города и селенія сами собой отпали бы отъ Лжедимитрія. По мнѣнію Скопина, прежде всего надобно было очистить путь къ Москвѣ, который заслонялъ полковникъ Керпозицкій, все еще стоявшій въ Старой Руссѣ. Онъ разсчитывалъ, что когда въ Москвѣ и подъ Москвой дѣла поправятся въ пользу Шуйскаго, то мятежные города покорятся сами собою; въ доказательство и подтвержденіе справедливости своего расчета, онъ указывалъ шведамъ на городъ Ярославль, жители котораго тотчасъ же отложились отъ тушинскаго вора, какъ только услышали о приходѣ шведовъ.

По настояніямъ князя Скопина, передовой отрядъ, состоящій изъ шведской рати, во главѣ коей находился полководецъ Горнъ, и русскихъ войскъ, которыми предводительствовали Чулковъ и Головинъ, численностію до 4000, вскорѣ выступилъ къ Старой Руссѣ. Вслѣдъ за этимъ отрядомъ, который долженъ былъ напасть на польскую рать и русскія воровскія шайки во главѣ съ Керпозицкимъ, готовился выступить Скопинъ вмѣстѣ съ Делагарди.

Между тѣмъ Керпозицкій выслалъ разъѣздъ изъ 300 человѣкъ, желая вывѣдать, что предпринимаетъ русская рать. Этотъ разъѣздъ наткнулся на передовой отрядъ и былъ разбитъ—спаслись только шесть человѣкъ. Делагарди, услышавъ о томъ, послалъ къ Горну подкрѣпленіе; по извѣ-

Посольскій приказъ.

стію шведскаго историка, 470 конныхъ и 200 пѣшихъ, а по русскимъ извѣстіямъ у него было 1800 человѣкъ.

Керпозицкій, узнавъ, что на него идетъ значительная русско-шведская рать, сжегъ Старую Руссу и поспѣшно удалился. Союзное войско нагнало Керпозицкаго, и 5 мая 1609 года подъ селомъ Каменками нанесло его рати жестокое пораженіе: шестьсотъ тѣлъ литовскихъ и казацкихъ валялись по полю, кромѣ тѣхъ, которые погибли въ болотахъ, куда, подъ вліяніемъ паническаго страха, овладѣвшаго поляками и русскими ворами, они бѣжали. Побѣдители взяли пять мѣдныхъ и пять желѣзныхъ пушекъ, десять бочекъ пороху, лошадей и много плѣнныхъ. Потерпѣвшій столь постыдное пораженіе Керпозицкій убѣжалъ въ село Тушино и принесъ туда грозную вѣсть о томъ, что съ сѣвера идетъ сильное союзное войско. Изъ Тушина, для защиты пути, отправили Зборовскаго съ литовскими казаками и русскими измѣнниками. Пораженіе пана Керпозицкаго значительно содѣйствовало подчиненію сѣверныхъ городовъ Москвѣ. Главная соединенная рать выступила изъ Новгорода только 10 мая 1609 года, при чемъ Скопинъ вывелъ съ собою лишь 3000 человѣкъ, но русскія силы постоянно увеличивались на пути, благодаря отпаденію городовъ отъ тушинскаго вора. Только старинный городъ Псковъ, „младшій братъ“ Новгорода Великаго (такъ называли его древне-русскіе лѣтописцы), упорствовалъ и не хотѣлъ слѣдовать примѣру другихъ

сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ городовъ, изъ коихъ одинъ за другимъ сдались: Торопецъ, Невель, Холмъ, Великіе Луки, Ржевъ. Скопинъ отправилъ и къ Пскову отрядъ подъ начальствомъ Лазаря Осинина да Тимоѳея Шарова съ казаками. Осининъ и Шаровъ по дорогѣ освободили Порховъ, гдѣ сидѣлъ въ осадѣ, стѣсненный воровскою шайкою воевода, князь Иванъ Мещерскій, и вмѣстѣ съ нимъ и съ сидѣвшими въ осадѣ ратными людьми двинулись на Псковъ. Въ это время къ нимъ подоспѣлъ на помощь еще отрядъ подъ начальствомъ Христіера Зоме. 15 мая 1609 года городъ Псковъ выгорѣлъ почти весь; кромѣ того, какой-то выходецъ, псковскій посадскій человѣкъ, обнадежилъ Скопина, что Псковъ немедленно передастся. 18 мая русско-шведское войско было въ виду города, взять который, повидимому, не представляло особенныхъ трудностей. Но на дѣлѣ вышло иначе.

Псковскіе лучшіе люди и духовенство сносились съ войсками Шуйскаго, желая сдать городъ царю и тѣмъ усилить свою власть, а ослабить и, по возможности, низложить противниковъ (т.-е. меньшихъ людей). А мелкіе (т.-е. меньшіе) люди (стрѣльцы, казаки, поселяне) держали сторону тушинскаго вора, о милостяхъ котораго имъ столько натрубили... Провѣдавъ объ „измѣнѣ“ лучшихъ людей, они отняли у этихъ послѣднихъ лошадей и отдали ихъ стрѣльцамъ для битвъ съ царскими войсками, заперли въ палаты женъ отъѣхавшихъ лучшихъ людей, переписали ихъ

имѣнія. Казачій атаманъ Корсаковъ сообщилъ жителямъ Пскова о приближеніи царскаго войска, но это письмо, содержащее въ себѣ такого рода сообщеніе, было перехвачено лучшими людьми, которые посадили въ тюрьму гонца. Меньшіе люди, ничего не зная, спокойно вышли всѣ за городъ на встрѣчу иконѣ Богородицы, приносимой 28 мая изъ Печерскаго монастыря, какъ вдругъ пушечная пальба извѣстила ихъ, что непріятель у города. Выстрѣлы заставили народъ поспѣшно воротиться въ городъ; ворота заперли. Тогда псковская чернь (т.-е. простой народъ), расвирѣпѣвъ, выбрала своимъ вождемъ мужика, по имени Тимоѳея, а по прозвищу Кудекуша Третцъ. Ему дали полную власть творить расправу. Кудекуша возстановилъ псковскую старину: вѣчевой колоколъ сзывалъ народъ на вѣчевую площадь, тамъ, по приказанію народнаго вождя, меньшіе люди мучили, жгли, кости ломали боярамъ, священникамъ и всѣмъ лучшимъ людямъ, которыхъ подозрѣвали въ наклонности сдать Псковъ. Царское войско остановилось близъ самаго города, въ мѣстечкѣ Любатовѣ, и опустошало окрестныя поля. Но когда дошла вѣсть до Скопина-Шуйскаго, что Псковъ не сдается, то онъ, не желая лишняго кровопролитія, разсудилъ, что не годится тратить попусту время и людей, и приказалъ военачальникамъ, осаждавшимъ городъ, отойти отъ него и соединиться съ главнымъ войскомъ.

Еще до прихода шведовъ князь Скопинъ-Шуйскій завязалъ сношенія съ сѣверными городами

о помощи противъ тушинцевъ и поляковъ. Съ теченіемъ времени, благодаря успѣху союзнаго войска, эти взаимныя сношенія городовъ все болѣе крѣпнутъ и содѣйствуютъ самому объединенію тогдашней Россіи. Осажденный тушинскимъ воромъ, царь Василій смотрѣлъ уже на Скопина, какъ на спасителя самаго престола, призывая его поспѣшить на помощь и обѣщая ему великія милости.

Весьма дѣятельнымъ и даровитымъ сотрудникомъ князя Скопина въ дѣлѣ объединенія городовъ московскаго государства въ эпоху смутнаго времени является бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ. Еще въ началѣ царствованія Василія Ивановича Шуйскаго, когда обнаружилось всеобщее распаденіе областей, чтобы удержать въ повиновеніи восточную Украйну, былъ посланъ въ Астрахань бояринъ Шереметевъ. Онъ успѣшно дѣйствовалъ тамъ противъ враждебныхъ московскому правительству воровскихъ и разбойничьихъ шаекъ и прежде, чѣмъ началъ свое наступательное движеніе князь Скопинъ, онъ, Шереметевъ, успѣлъ уже объединить силы низовыхъ городовъ (т.-е. городовъ, расположенныхъ по нижнему теченію Волги) и прочно утвердиться въ Нижнемъ-Новгородѣ. Его успѣхъ имѣлъ громадное вліяніе на возстановленіе нравственнаго духа въ самомъ государствѣ. По словамъ лѣтописца того времени, „узнавъ объ этомъ, на Москвѣ людіе наипаче начаша крѣпитися“. Уже въ началѣ 1609 года все Поволожье (города: Арзамасъ, Муромъ и Вла-

димиръ) ждало только прихода Шереметева, чтобы соединиться съ его войсками, и его движеніе вплоть до города Владимира было вполнѣ успѣшно. Вотъ почему и царь Василій Ивановичъ Шуйскій и самъ князь Скопинъ смотрѣли на Шереметева, какъ на перваго своего сотрудника въ дѣлѣ объединенія городовъ восточной Украйны московскаго государства. Царь Василій имя Шереметева ставитъ рядомъ съ именемъ Скопина. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что Шереметевъ совершилъ это важное движеніе, такъ много способствовавшее объединенію городовъ, благодаря однѣмъ собственнымъ силамъ. Лишь въ Александровской слободѣ Шереметевъ соединился съ Скопинымъ. Несмотря на недоразумѣнія, какія происходили еще въ Новгородѣ въ шведскомъ войскѣ, осажденный царь Василій, подвергавшійся неоднократно заговорамъ, указывалъ на Скопина и шведскую рать, какъ на послѣднюю помощь, и готовъ былъ назначить даже день своего отреченія, если она не принесетъ съ собою желаннаго результата.

VI.

Въ то время, какъ Скопинъ стремился неудержимо къ Москвѣ, шведскія войска, не обращая вниманія на томительное состояніе духа царя Василія, ждавшаго съ нетерпѣніемъ прихода соединенной русско-шведской рати, предпочитали

брать городъ за городомъ. Число сѣверныхъ городовъ, приносившихъ повинныя, постепенно увеличивалось. 10 мая князь Скопинъ вышелъ изъ Новгорода и только 6 іюня онъ соединился съ шведскимъ полководцемъ Делагарди, который одновременно съ нимъ вышелъ изъ мѣстечка Тесова. Въ Торжкѣ присталъ къ Скопину воевода князь Барятинскій съ 3000 дѣтей боярскихъ и землевладѣльцевъ смоленскихъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму. Вслѣдъ за Торжкомъ сдались и прислали повинныя: Ржевъ, Старица и Осташковъ.

Во время стоянки на Крестецкомъ Ямѣ, князь Скопинъ получилъ изъ Торжка отъ своего воеводы Чоглокова донесеніе, что на Торжокъ наступаютъ Зборовскій и князь Григорій Шаховской, съ 3000 измѣнниковъ и ляховъ, и что на пути они снова взяли Старицу, гдѣ ратныхъ людей было мало, перебили защитниковъ и сожгли городъ. Тѣмъ временемъ князь Скопинъ отрядилъ къ Торжку Головина и Еверта Горна. Имѣя, по свидѣтельству шведскаго историка, не болѣе 2000 воиновъ, они сразились съ непріятелемъ. Бой былъ кровопролитный, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей. Литовская рать наступала на царскіе полки въ три роты: двѣ роты были разбиты, а третья прорвалась сквозь шведскіе и русскіе полки; однако, изъ города сдѣлали вылазку и прогнали ее. Тогда Зборовскій ушелъ къ Твери, узнавъ, что къ Торжку идетъ самъ князь Скопинъ съ большимъ войскомъ. Дѣйствительно, Скопинъ

и Делагарди спѣшили застать въ Торжкѣ Зборовскаго. Не заставши его, они выступили къ Твери. На дорогѣ явился посланецъ отъ Зборовскаго,— съ письмомъ отъ этого пана къ Делагарди. Онъ покушался отвлечь шведскаго военачальника отъ союза съ Шуйскимъ, извѣщалъ, что поляки защищаютъ дѣло правое, стоятъ за законнаго государя московскаго Димитрія противъ похитителя, и убѣждалъ Делагарди со своими войсками перейти на сторону Димитрія, увѣря, что шведы обмануты людьми лживыми и злыми.

Делагарди отправилъ Зборовскому отвѣтъ, выраженный такъ:

„Я пришелъ сюда, въ московское государство, рѣшить не словами, а оружіемъ вопросъ, кто справедливъ—поляки или москвитяне. Мое дѣло служить своему королю, строить воинскіе ряды, рубить мечомъ и стрѣлять изъ ружья. При чемъ я сильно сомнѣваюсь, что поляки защищаютъ дѣло правое, такъ какъ они стоятъ не за законнаго государя московскаго Димитрія, а за обманщика, самозванца, Лжедимитрія, получившаго прозваніе „тушинскаго вора“, за свою воровскую наклонность и дерзкое намѣреніе похитить московскій престолъ у законнаго русскаго царя и государя великаго князя Василія Ивановича Шуйскаго“.

Свой отвѣтъ Зборовскому Делагарди послалъ уже не съ тѣмъ, кто его принесъ: послѣдняго посадили на колъ за то, что онъ сталъ возмущать шведскихъ солдатъ.

Зборовскій, получивъ неблагопріятный для себя отвѣтъ, не сталъ дожидаться враговъ и рѣшился выйти имъ навстрѣчу. Битва произошла во время сильной грозы, сопровождавшейся проливнымъ дождемъ, который препятствовалъ дѣйствію пальбы. Непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло русско-шведскаго войска, обратилъ часть его въ бѣгство, и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, оттѣснило непріятеля въ городъ (при чемъ самъ Зборовскій былъ раненъ и едва спасся отъ плѣна), но союзники отступили. Сраженіе прекратилось. Дождь лилъ цѣлые сутки. Побѣдители вошли въ Тверь. На другой день была такая же дождливая погода. Ни тѣ ни другіе не выходили начинать сраженіе. Тогда-то князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій показалъ свой истинный военный талантъ. Онъ разсчиталъ, что поляки, послѣ перваго успѣха, станутъ самонадѣянны, и тутъ-то ихъ можно будетъ разбить. На третій день, 13 іюля, за часъ до разсвѣта, когда ляхи безпечно спали въ острогѣ, князь Скопинъ тихо приблизился, напалъ и взялъ его безъ урона; восходящее солнце освѣтило царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ. Скопинъ, обнявъ Делагарди, благодарилъ его за мужество шведовъ, которые хотѣли вломиться въ городъ, куда бѣжала часть разбитаго непріятеля; но человѣколюбивое сердце Скопина, которое обливалось всякій разъ кровью, когда имъ овладѣвало сознаніе, что напрасно, безъ всякой пользы для дѣла, гибнутъ иногда во время злой

сѣчи многіе доблестные воины, не допустило его до такого напраснаго кровопролитія; жалѣя людей, онъ велѣлъ прекратить безполезную сѣчу, предвидя, что обезсиленный непріятель или мирно сдастся на договоръ, или убѣжитъ. Черезъ нѣсколько часовъ, дѣйствительно, ляхи ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами.

Князь Скопинъ двинулся впередъ; онъ уже былъ недалеко отъ Москвы, какъ вдругъ получилъ вѣсть, что шедшій за нимъ шведскій отрядъ отказывается служить подъ предлогомъ, что имъ не выдано полнаго жалованья, что они боятся извѣстнаго будто бы всѣмъ „вѣроломства москвитянъ“, что они поэтому не желаютъ ити въ глубь московскаго государства на вѣрную смерть, между тѣмъ какъ ихъ жены и дѣти остались дома безъ защиты.

Перейдя Волгу подъ Городино, на соединеніе съ ополченіями, шедшими къ нему изъ сѣверныхъ городовъ, Скопинъ послалъ уговорить Делагарди возвратиться и просилъ его черезъ посланца прекратить бунтъ шведской рати. Въ ожиданіи мѣръ и распоряженій шведскаго полководца, Скопинъ расположился у города Калязина, на лѣвомъ берегу Волги.

Между тѣмъ, Делагарди, желая уничтожить волненіе, возникшее среди его солдатъ, которые требовали отъ него уплаты денегъ, пригрозилъ имъ даже смертью, но это мало помогло. Тогда онъ и самъ сталъ требовать выполненія условій и сдачи, по договору, города Корелы съ уѣздомъ,

такъ что изъ шведскихъ военачальниковъ одинъ только Христіернъ Зоме соединился съ Скопинымъ и сталъ съ нимъ подъ Калязинымъ. Делагарди направился было къ Новгороду, но вступилъ въ переговоры съ Скопинымъ, взялъ съ него 5000 рублей деньгами, на 5000 рублей соболей, и обязалъ немедленною передачею города Корелы, уступить который согласился Скопинъ безъ утвержденія царя, не желая излишнимъ промедленіемъ задерживать движеніе союзнаго войска, шедшаго на освобожденіе Москвы отъ тушинскаго вора. Получивъ нѣкоторое удовлетвореніе своихъ требованій отъ Скопина, Делагарди направился къ Калязину.

Тогда-то царю Василію и его полководцу пришлось озаботиться о сборѣ денегъ на будущее время, а между тѣмъ Скопинъ хлопоталъ объ обученіи русскаго войска. По его настоянію, ежедневно Христіернъ Зоме обучалъ новобранцевъ по бельгійскому образцу, какъ дѣйствовать въ походѣ и въ бою, копьемъ и мечомъ, дѣлать рвы и окопы, двигать орудія и дѣлать нападенія. Скопинъ писалъ Делагарди, что безъ помощи Христіерна Зоме онъ не могъ бы удержать въ порядкѣ и въ повиновеніи множество ратниковъ, собранныхъ изъ Ярославля, Костромы и приморскихъ городовъ. У шведовъ Скопинъ заимствовалъ устройство укрѣпленій въ видѣ башенъ, которыя были страшны для поляковъ, такъ какъ русскіе могли безпрепятственно дѣлать вылазки и подвигаться впередъ, избѣгая сраженія. Такъ

воспользовался Скопинъ знакомствомъ со шведскимъ войскомъ и присутствіемъ въ русскомъ лагерѣ такихъ полководцевъ, какъ Делагарди и Христіернъ Зоме.

Но чѣмъ больше собиралось ратной силы въ русскій лагерь подъ г. Калязинымъ, тѣмъ больше требовалось средствъ на содержаніе съ каждымъ днемъ увеличивавшагося союзнаго войска. И вотъ Скопинъ, чтобы выйти изъ того затруднительнаго матеріальнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ по причинѣ сильнаго оскудѣнія царской казны, безпрестанно разсылалъ гонцовъ по городамъ и просилъ присылки денегъ и ратныхъ людей. Монастыри: Соловецкій, Печенскій, Устюжскій, Спасо-Прилуцкій снабдили его деньгами. Пермская земля приводила его въ досаду своею медлительностью, зато усердными показали себя вологжане и сольвычегодцы, особенно Строгановы, которые, кромѣ присылки денегъ, снаряжали и отправляли на свой счетъ къ Скопину много ратныхъ людей. Прибывавшіе въ Калязинъ ратные люди были по большей части хорошо вооружены, но не знали военнаго дѣла. Одною изъ главныхъ обязанностей шведскаго полководца Христіерна Зоме было обученіе этихъ новобранцевъ ратному строю.

Между тѣмъ тушинцы, осаждавшіе подъ начальствомъ Сапѣги Троице-Сергіеву лавру, соединились съ Зборовскимъ; у нихъ, у обоихъ, оказалось войска тысячъ двѣнадцать, да сверхъ того неопредѣленное количество казаковъ. Они отправились подъ Калязинъ. 14 августа остано-

вились при Рябой пустынѣ, верстахъ въ двадцати отъ Калязина. Скопинъ, узнавъ объ этомъ движеніи, отправилъ за Волгу отрядъ, подъ начальствомъ князя Якова Барятинскаго, Головина, Валуева и Жеребцова, а самъ располагалъ двинуться имъ на помощь, когда будетъ нужно.

Передовыя рати сошлись на топкихъ берегахъ рѣки Жабны, впадающей въ Волгу, и утромъ 18 августа, когда тушинцы начали переходить рѣку, московскіе воеводы ударили на нихъ и сбили въ сторону, въ болото. Этимъ движеніемъ они дали время князю Скопину приготовиться, занять выгодныя для защиты мѣста, дать движенію войска должное направленіе. Полководцы союзной рати, Скопинъ и Христіернъ Зоме, переправились черезъ рѣку Жабну и напали на тушинцевъ сами. Обѣ стороны ожидали рѣшительной битвы. Тушинцы не могли не сознавать, что наступилъ рѣшающій ихъ судьбу моментъ, когда имъ приходилось столкнуться съ тѣмъ самымъ Скопинымъ, который такъ долго ихъ пугалъ; побѣда надъ нимъ должна была разсѣять обаяніе, окружавшее его личность. Съ другой стороны, Скопинъ зналъ, что отъ побѣды въ этотъ разъ надъ соединенными силами важнѣйшихъ вождей смуты зависятъ на будущее время его сила и значеніе. Пальба и сѣча продолжались цѣлый день. Отъ густого дыма трудно было распознать, кто съ кѣмъ бьется. Когда ярко-красные лучи заходящаго солнца стали придавать зловѣщій багровый оттѣнокъ бѣловатому облаку дыма, покрывшаго, вслѣдствіе

постоянной пальбы изъ пушекъ и самопаловъ, все поле битвы, русскіе ратные люди съ криками: „Преподобный отче, Макаріе, моли Бога за насъ, помоги намъ!“ двинулись впередъ такъ дружно и съ такимъ натискомъ, что тушинцы подались, стали отступать и, наконецъ, побѣжали. Русскіе гнали ихъ до Рябой пустыни и все продолжали Призывать на помощь преп. Макарія калязинскаго. Немало значительныхъ лицъ изъ числа ляховъ попало тогда въ плѣнъ, и воротился князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій въ Калязинъ съ побѣдою и одолѣніемъ.

Обученіе, хотя и краткое, русской рати военному искусству принесло свои плоды.

Поляки съ удивленіемъ вспоминали о той стойкости въ открытомъ полѣ, какую обнаружили русскіе ратные люди на берегахъ рѣчки Жабны, еще такъ недавно ничего не знавшіе, кромѣ обработки земли.

VII.

Чтобы вполнѣ воспользоваться тѣми благими слѣдствіями, какія сулила въ будущемъ славная побѣда Скопина надъ тушинцами на берегахъ р. Жабны, необходимо было царю Василію и князю Скопину достать какъ можно больше денегъ для уплаты шведскому войску. Это было тѣмъ настоятельнѣе, что Дельгарди, побуждаемый новымъ бунтомъ шведской рати, отступилъ къ Новгороду, ближе къ границѣ.

Царь Василій прислалъ изъ Москвы Скопину 12.000 ефимковъ (если принять во вниманіе современную цѣнность денегъ, то 12.000 ефимковъ составятъ болѣе 100.000 рублей), для удовлетворенія иноземныхъ солдатъ жалованьемъ. Остальную сумму денегъ, какая могла понадобиться для полнаго удовлетворенія всей иноземной рати, нужно было Скопину достать посредствомъ сбора съ городовъ. Существенную помощь оказалъ ему въ этомъ случаѣ Новгородъ-Великій: тамъ собрали съ гостей и торговыхъ людей 3000 рублей.

Такимъ образомъ, Скопинъ, 27 августа, по договору съ секретаремъ Делагарди, далъ на жалованье шведскому вспомогательному войску часть чистыми деньгами, а часть соболями; денегъ онъ послалъ 6000 рублей, а соболей на 5000 рублей. Тогда же Скопинъ обязался отъ имени царя сдать Корелу въ шведское вѣдомство безъ мѣшканья и прекословія, по договору. Для этого Скопинъ послалъ въ Корелу Ѳеодора Чулкова съ дьякомъ, а Делагарди отправилъ туда своего секретаря Олафсона.

Присланныя деньги и сдача Корелы успокоили шведскаго военоначальника Делагарди, и онъ согласился на требованіе Скопина итти подъ Калязинъ, а потомъ слѣдовать вмѣстѣ съ русскою ратью подъ Москву. Делагарди сдѣлалъ смотръ своему войску. Одни изъ его ратныхъ людей соглашались итти далѣе, другіе же выходили въ отставку, кто по болѣзни, изъ-за ранъ, кто

просто по нежеланію и недовѣрію. Делагарди первымъ роздалъ жалованье, послѣднихъ, подъ начальствомъ Андрея Бойе и товарищей, отправилъ на родину.

Вмѣсто выбывшихъ изъ строя было сдѣлано распоряженіе о наборѣ свѣжихъ войскъ, и для этого былъ отправленъ въ Нарву и Выборгъ Евертъ Горнъ. Такимъ образомъ, устроивъ свои дѣла, Делагарди прибылъ въ Калязинъ 26 сентября. Скопинъ приготовилъ ему торжественную встрѣчу, и чрезъ четыре дня роздалъ шведскому войску на 14.974 рубля мѣховъ.

Отвѣтомъ на грамоты, посылаемыя въ сѣверные города и монастыри, съ требованіемъ денегъ на жалованье нѣмецкимъ людямъ, была присылка, между прочимъ, соловецкими монахами въ Москву болѣе 17.000 серебряныхъ рублей да ложки серебряной. По другимъ монастырямъ происходили складчины, напримѣръ, въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ собрали съ братіи, кромѣ монастырскихъ денегъ, съ чернецовъ, съ кого рубль, съ кого полтину, а съ кого менѣе, и все это отправили Скопину. Одни пермичи, на просьбу Скопина дать денегъ и суконъ, камокъ и тафты, сколько кому можно, да, кромѣ того, собрать, для уплаты нѣмецкимъ ратнымъ людямъ, по 50 рублей съ сохи, отвѣчали, что у нихъ такихъ товаровъ не сыскивается; особенное усердіе проявили вологжане и сольвычегодцы. Жившій въ ихъ землѣ Петръ Семеновичъ Строгановъ вмѣстѣ съ братьями если не давалъ слу-

Угощеніе въ боярскомъ домѣ.

жилымъ людямъ на жалованье деньги, то на свой счетъ снаряжалъ и отправлялъ ратныхъ людей; его увѣщаніямъ приписывалось удержаніе въ покорности городовъ поморскихъ, казанскихъ и пермскихъ.

За такія его службы и радѣнье царь его пожаловалъ: далъ Петру Семено*вичу* грамоту на безпошлинность торговли и на почетное преимущество писаться съ *вичемъ* (т.-е. Семено*вичемъ* вмѣсто Семенова).

Когда дѣла шли такимъ образомъ на сѣверо-востокѣ, князь Скопинъ, находясь въ Калязинѣ, попрежнему занимался обученіемъ военному строю вновь прибывавшихъ туда изъ разныхъ мѣстъ московскаго государства, особенно съ сѣверо-востока, ратныхъ людей. Самымъ усерднымъ помощникомъ и сотрудникомъ Скопина въ дѣлѣ обученія новобранцевъ былъ шведскій военачальникъ Христіернъ Зоме.

Между тѣмъ одинъ отрядъ русскихъ воиновъ, высланный Скопинымъ, занялъ городъ Переяславль-Залѣсскій, куда вскорѣ (а именно 6 октября) пришелъ Делагарди.

Распорядившись насчетъ укрѣпленія Переяславля, который былъ очищенъ союзниками отъ воровъ — тушинцевъ и казаковъ, русско-шведское войско двинулось къ Александровской слободѣ (такъ назывался небольшой городъ близъ Москвы — любимое мѣстопребываніе Ивана Грознаго въ послѣдніе годы его царствованія). Впередъ были отправлены во главѣ шведскаго отряда пол-

ководцы Христіернъ Зоме и Іоганъ Миръ; при нихъ были и московскіе ратные люди.

Этотъ союзный отрядъ вступилъ въ бой съ находившимися въ Александровской слободѣ тушинцами и ляхами и побѣдилъ ихъ: около ста человѣкъ враговъ потонуло въ водѣ; остальные бѣжали. Александровская слобода была взята. Скопинъ и Делагарди вступили въ городъ со всѣмъ войскомъ. Занятіе слободы было очень важно въ стратегическомъ отношеніи: она стояла на пути доставки провіанта войску литовскаго полководца Сапѣги.

Скопинъ и Делагарди очень сожалѣли о томъ, что должны были отпустить въ отечество столь полезнаго для русскихъ военачальника Христіерна Зоме, который былъ раненъ въ битвѣ подъ слободою и нуждался въ отпускѣ для излѣченія. На его мѣсто прибыли изъ Швеціи новые вспомогательные отряды.

Одно уже извѣстіе объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Скопина противъ литовцевъ, поляковъ и русскихъ воровъ произвело въ Москвѣ чудесное дѣйствіе. Посольство съ письмомъ отъ Скопина немедленно успокоило волненіе, готовое охватить тогда Москву, гдѣ многіе замышляли отложиться и перейти въ Тушино. Это посольство нѣсколько поддержало власть царя Василія Ивановича Шуйскаго и ускорило паденіе тушинскаго вора; въ его, Лжедимитрія, лагерѣ уже наступило въ это время разложеніе. Успѣхъ Скопина при помощи враждебнаго Польшѣ шведскаго короля заставилъ

Сигизмунда выйти изъ бездѣйствія: послѣ долгихъ настояній, онъ прибылъ, наконецъ (21 сентября), подъ Смоленскъ, который становится теперь средоточнымъ пунктомъ новой власти. Посольство отъ Сигизмунда, явившееся въ тушинскій лагерь, произвело тамъ совершенный переполохъ: польскій король потребовалъ къ себѣ, въ Смоленскъ, многихъ находившихся тамъ ляховъ. Въ виду опасности, угрожавшей южной и юго-западной Руси со стороны Сигизмунда, пребывавшіе въ тушинскомъ лагерѣ южно-русскіе и западно-русскіе помѣщики поспѣшили изъ него удалиться. Такъ что, вслѣдствіе движенія польскаго короля къ Смоленску, тушинцы, послѣ посѣщенія ихъ лагеря посольствомъ Сигизмунда, разсыпались въ разныя стороны. Это значительно облегчило и дѣло Скопина. Въ виду той серьезной опасности, какая стала угрожать тушинскому лагерю со стороны союзнаго войска Скопина и Делагарди, не только Сапѣга и Зборовскій, но и самъ Рожинскій двинулись (28 октября) съ четырьмя тысячами человѣкъ на русско-шведскую рать. Бой былъ жестокій и продолжался цѣлый день. Поляки воротились назадъ съ большей потерей. Скопинъ составилъ планъ строить засѣки одну за другою (въ близлежащемъ лѣсу рубили деревья и оставляли на мѣстѣ: они должны были затруднять движеніе непріятельской конницы и въ то же время исполнять роль заваловъ для стрѣлковъ. Порубленный, но не вывезенный еще лѣсъ и до сихъ поръ называется „засѣкой“) и такимъ

способомъ рѣшилъ онъ приближаться къ Москвѣ. Это средство было несносно для противниковъ, какъ они сами въ томъ сознавались; нападать на москвитянъ было трудно: только нападутъ на нихъ, — они укрѣпятся за свои засѣки, и приходилось добывать каждую изъ нихъ приступомъ; а какъ только тушинцы отойдутъ, русскіе двигаются дальше и строятъ новыя засѣки; а главное, — такой способъ войны отнималъ у непріятеля подвозъ провіанта.

Въ тотъ рѣшающій судбу московскаго государя царя Василія моментъ слобода Александровская, какъ бы представляла изъ себя всю Россію и затмѣвала Москву своею важностью. Туда устремлялись взоры и сердца всѣхъ истинныхъ сыновъ своего отечества, туда воины шли толпами и порознь, конные и пѣшіе, немногіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечомъ или копьемъ, исполненные готовностью пожертвовать собою для спасенія родины. Новыя дружины (то-есть отряды добровольцевъ) изъ Ярославля, бояринъ Шереметевъ изъ Владимира, съ ратью, набранною въ поволжскихъ городахъ, князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками царскими присоединились къ князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ шведскаго короля Карла. Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи (подъ Ливоніей должно разумѣть часть нынешняго Остзейскаго и Привислянскаго края, области, населенныя финскимъ племенемъ ливовъ и прилегавшія къ

Балтійскому морю), а въ Россіи. Все благопріятствовало юному герою: довѣренность царя и союзниковъ, усердіе и единодушее своихъ, смятеніе и раздоръ въ непріятельскомъ лагерѣ. Въ памяти русскаго народа немного сохранилось воспоминаній о такомъ рѣдкомъ соединеніи въ одномъ лицѣ ума, мужества и добродѣтели, какое представляла изъ себя высоко-нравственная личность князя Скопина. Наши предки видѣли въ немъ великаго мужа въ образѣ прекраснаго юноши, а потому, славили его съ особенною любовію. Но эта народная любовь къ юному герою, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла гибельныя послѣдствія для самого героя.

Любовь къ великому вождю народа, Скопину, подсказывала многимъ его современникамъ мысль о низложеніи царя Василія и о возведеніи на престолъ князя Скопина. Извѣстный рязанскій дѣятель Прокопій Ляпуновъ, предводитель рязанскихъ ополченцевъ, прислалъ въ Александровскую слободу къ юному герою отрядъ отъ всей рязанской земли съ грамотою, въ которой извѣщалъ, что вся русская земля хочетъ Скопина избрать въ цари, признавая, что никто, кромѣ его, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Въ своей грамотѣ Ляпуновъ называлъ юнаго Скопина не княземъ, но „царемъ“ и, описывая въ дурныхъ чертахъ самого царя Василія, этимъ хотѣлъ возбудить въ его племянникѣ гордость противъ царя Василія.

Скопинъ, прочитавъ грамоту, разорвалъ ее, воскликнувъ.

— Безумный человѣкъ Прокопій Ляпуновъ! Онъ жестоко ошибается, думая, что я свое личное счастье и благоденствіе ставлю выше счастья и благоденствія русскаго народа. Онъ забываетъ, что однимъ изъ первыхъ условій народнаго благоденствія является установленіе тишины и спокойствія въ государствѣ. Можетъ ли народъ оставаться спокойнымъ, видя, какъ на его глазахъ будутъ свергать съ престола законнаго его царя, помазанника Божія! Приказываю вамъ, мои отроки и слуги любезные, схватить этихъ дерзкихъ посланцевъ безумнаго Ляпунова и немедленно отправить ихъ къ царю Василію!

Многочисленные посланцы Прокопія Ляпунова, услыхавъ грозное слово юнаго князя, упали на колѣни и, обливаясь слезами, стали просить Скопина о пощадѣ, при чемъ клялись въ вѣрности царю Василію и называли безумцемъ Прокопія Ляпунова.

Полагая, что дѣло милосердія — болѣе достойный подвигъ истиннаго христіанина, чѣмъ стремленіе быть только справедливымъ, Скопинъ простилъ Ляпуновыхъ посланцевъ, дозволилъ имъ возвратиться на родину; царя же не извѣстилъ объ этомъ.

Избавивъ Ляпунова отъ грозившей ему крупной непріятности, князь Скопинъ не избавилъ себя отъ клеветы: завистники юнаго героя стали внушать царю, что его племянникъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и царство. Царь Василій

сталъ думать, что если его племянникъ, князь Скопинъ, самъ и не стремится вырвать изъ его рукъ царскую власть, а все-таки онъ не прочь принять тотъ вѣнецъ, который у него, царя Василія, давно хотятъ отнять его недруги.

Съ тѣхъ поръ запавшее въ царскую душу подозрѣніе, съ теченіемъ времени не уменьшалось, а все увеличивалось. Но пока нуженъ былъ юный герой, для борьбы съ тушинскимъ воромъ, злоба таилась въ глубинѣ царской души.

VIII.

Яркіе лучи весенняго солнца отражались золотистымъ блескомъ въ крестахъ и куполахъ московскихъ церквей и монастырей и придавали ослѣпительную бѣлизну снѣговой пеленѣ, покрывавшей крыши невысокихъ домовъ и прилегающіе къ нимъ площади, улицы и переулки. Весело и радостно было на душѣ двухъ юныхъ героевъ — Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго и шведскаго полководца Делагарди, когда они 12 марта 1610 года имѣли торжественный въѣздъ въ Москву. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій велѣлъ знатнымъ вельможамъ встрѣтить князя Скопина у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью; но народъ предупредилъ ихъ, вышелъ навстрѣчу за городскія ворота, падалъ ницъ, поднесъ хлѣбъ-соль, со слезами билъ челомъ (то-есть кланялся),

желая выразить свою благодарность за то, что очистилъ московское государство, давая Скопину имя отца отечества; благодарилъ и соподвижника его, Делагарди, называя его освободителемъ отечества. Современные писатели сравниваютъ пріемъ Скопина съ торжествомъ богоотца Давида, котораго израильтяне чтили болѣе, чѣмъ царя Саула. Государь Василій Ивановичъ Шуйскій со слезами благодарилъ, величалъ его, цѣловалъ его въ присутствіи бояръ. Испытавъ крайне тяжелое положеніе осады и проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ постоянномъ страхѣ и ожиданіи внезапнаго нападенія тушинскаго вора, Москва, наконецъ, по случаю своего избавленія отъ докучливаго врага, справляла давно невиданное празднество. Начались пиры. Царь угощалъ шведовъ, дарилъ имъ лошадей, сосуды, ожерелья. Москвичи наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ въ дома и старались превзойти другъ друга въ признательности и расположеніи.

Царь, его братья и бояре, спѣшили выказать кто искреннюю, а кто мнимую признательность. Зато простой народъ, купцы и всякаго рода промышленные люди и ремесленники выражали неподдѣльную радость, которая вытекала насколько изъ признанія заслугъ Скопина, настолько же изъ нерасположенія къ царю Василію Шуйскому и къ его семьѣ. Выкрикнутый на площади толпою своихъ приверженцевъ Шуйскій не былъ признанъ государемъ, котораго желалъ бы весь русскій народъ.

Въ крайне затруднительныя минуты безначалія (то-есть отсутствія великокняжеской и царской власти), царившаго на Руси въ эпоху Смутнаго времени, царь Василій не успѣлъ установить порядка и примирить враждующихъ между собою бояръ и народъ. Невзрачный на видъ, онъ не могъ смягчить, ослабить ненависть и злобу своихъ противниковъ даже внѣшнимъ обращеніемъ. Подозрительный по натурѣ, онъ легко поддавался постороннимъ навѣтамъ. Давъ теперь доступъ наущеніямъ на Скопина, онъ повредилъ своему собственному дѣлу въ самую, можно сказать, счастливую минуту своего правленія. Правда, онъ соблюдалъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнее приличіе въ отношеніи къ племяннику. Но его братъ Димитрій не сумѣлъ, хотя бы на время, подавить въ себѣ чувство зависти и нерасположенія къ князю Скопину. Между тѣмъ, по своему характеру, онъ не могъ возбудить уваженія къ себѣ ни въ окружающихъ ни въ своихъ подчиненныхъ. Спесивый въ отношеніяхъ къ послѣднимъ, малодушный на ратномъ полѣ, онъ утопалъ въ роскоши и удовольствіяхъ, которыя въ то время шли совершенно въ разрѣзъ съ тягостнымъ состояніемъ народа. Третій изъ братьевъ Шуйскихъ — Иванъ Ивановичъ—вмѣстѣ съ ними учавствовалъ во враждебныхъ проискахъ, направленныхъ противъ Скопина и вмѣстѣ съ ними раздѣлялъ нелюбовь народа.

Весьма естественно, что, не любя Шуйскихъ, народъ и враждебные имъ бояре и служилые люди возлагали свои надежды на Скопина, и, среди

общихъ торжествъ, могли высказывать мысль о передачѣ престола Скопину.

Пиры московскіе и торжественные пріемы не отуманили головы князя Скопина. Онъ очень хорошо понималъ, что дѣло остается еще много впереди: Лжедимитрій продолжаетъ держаться въ Калугѣ, а Сигизмундъ стоитъ подъ Смоленскомъ. Разсѣять воровскія шайки перваго (то-есть самозванца) и выгнать изъ предѣловъ Россіи второго, а именно польскаго короля, вотъ что было искреннимъ желаніемъ Михаила Васильевича Скопина. Онъ предполагалъ отдохнуть до просухи и потомъ, съ весною, двинуться противъ Сигизмунда. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался, такъ какъ тогда уже многіе города, бывшіе въ рукахъ поляковъ, стали сдаваться безъ боя. Можайскъ, напримѣръ, сдалъ царю тамошній воевода, поставленный поляками, Михаилъ Вильчекъ, за что и получилъ отъ царя Василія Ивановича сто рублей.

Главною заботою князя Скопина было очищеніе русской земли отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, а не отнятіе власти у царя Василія, какъ этого послѣдняго хотѣли увѣрить его братья. Они утверждали, что Скопинъ разсчитываетъ на общее (т.-е. всенародное) избраніе, какъ представитель по первородству правъ вѣтви дома Рюрика, ближайшей къ царской линіи. По ихъ мнѣнію, неоднократно ими высказываемому брату ихъ, царю Василію, при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поляковъ и при помощи шведовъ и сильнаго русскаго войска, преданнаго юному

герою—Скопину, этому послѣднему легко удастся принудить польскаго короля снять осаду Смоленска и очистить Россію, а затѣмъ вернуться въ Москву при новыхъ знакахъ торжества и выраженія народной любви и преданности; вернуться для того, чтобы сѣсть на московскій престолъ. Братья Шуйскіе вмѣстѣ съ боярами-завистниками Скопина всячески старались увѣрить Василія Ивановича, что молодой князь опасенъ для него: народъ любитъ его больше царя и желаетъ видѣть на престолѣ, такъ какъ, по мнѣнію народа, спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею. Василій Ивановичъ вспомнилъ, что Ляпуновъ посылалъ къ племяннику (т.-е. къ Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому) въ Александровскую слободу искусительное посольство съ предложеніемъ престола. Торжественныя встрѣчи, безпрерывные знаки народнаго расположенія убѣждали государя Василія Шуйскаго, что съ каждымъ днемъ народъ болѣе и болѣе хочетъ Михаила Васильевича Скопина выбрать царемъ.

Общее усердіе къ молодому полководцу питалось и суевѣріемъ: какіе-то прорицатели предсказывали, что на русскомъ престолѣ воцарится царь, по имени Михаилъ, которому назначено судьбою умирить государство. Многіе современники юнаго героя относили это пророчество къ Скопину, къ особенной досадѣ его дяди, любимаго царскаго брата Димитрія Ивановича Шуйскаго. Этотъ послѣдній надѣялся быть пріемникомъ Василія, такъ какъ шестидесятилѣтній царь

отъ поздняго брака своего имѣлъ одну или двухъ дочерей, которыя умерли вскорѣ послѣ рожденія. Князь Димитрій явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ; не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ подалъ царю извѣтъ на Михаила Васильевича въ томъ, что князь, Михаилъ, въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить царскую власть и дѣйствуетъ уже, какъ царь, самовольно, отдавъ шведамъ Корелу съ областію. При всей своей мнительности Василій Ивановичъ понималъ всю лживость навѣтовъ, возводимыхъ на Скопина; однажды онъ даже замахнулся на брата Димитрія палкою и прогналъ его отъ себя.

Узнавъ о взводимой на него клеветѣ, князь Михаилъ Васильевичъ поспѣшилъ объясниться съ царемъ, говорилъ спокойно о своей невиновности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстью, вѣрною службою; говорилъ свободно и смѣло о безуміи преждевременной зависти, когда всякая продолжительная остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для государства. Царь Василій, выслушавъ объясненія эти, отнесся къ Скопину съ уваженіемъ, старался его успокоить, хвалилъ и благодарилъ за всѣ его распоряженія; тогда же онъ велѣлъ князю Михаилу Васильевичу и думнымъ боярамъ условиться съ Делагарди относительно предстоящаго похода противъ польскаго короля Сигизмунда, утвердилъ Выборгскій и Калязинскій договоры и обѣщалъ не-

медленно уплатить шведамъ весь долгъ. Такимъ образомъ, царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину; но, несмотря на это, народъ, не любившій царя Василія и его братьевъ, толковалъ о враждѣ дяди съ племянникомъ. Шведскій полководецъ Делагарди, товарищъ Скопина, во всѣхъ послѣднихъ ратныхъ предпріятіяхъ, слыша толки, ходившіе тогда въ народѣ о зависти и ненависти, остерегалъ своего юнаго друга, совѣтовалъ ему поскорѣе выбираться изъ Москвы и отправиться въ походъ на Сигизмунда, при чемъ предупреждалъ его, что ему грозитъ бѣда, что братья Шуйскіе, стремившіеся окончательно разсорить царя съ племянникомъ, рѣшили погубить его. Опасеніямъ этимъ суждено было сбыться.

Чѣмъ больше царь Василій вникалъ и слѣдилъ за дѣятельностью князя Скопина-Шуйскаго, тѣмъ больше онъ убѣждался, что своими немногочисленными, но великими дѣяніями юный герой превзошелъ многихъ славныхъ дѣятелей кіевской, новгородской, суздальской и московской Руси. Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы пріобрѣтали многими подвигами жизни многолѣтней и, что еще важнѣе, снискалъ любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, всѣхъ земскихъ людей, желавшихъ успокоенія отъ смутъ, отъ буйства бездомовниковъ, казаковъ. Москва, въ осадѣ отъ вора, терпѣла голодъ, видѣла въ стѣнахъ своихъ небывалыя прежде смуты, кругомъ въ областяхъ свирѣпствовали тушинцы; посреди этихъ бѣдъ произносилось постоянно одно

имя, которое оживляло всѣхъ надеждою, это имя—имя Скопина. Во дворцѣ кремлевскомъ жилъ въ то время мало вниманія на себя обращающій царь Василій — невзрачный старикъ, нелюбимый, недѣятельный уже потому, что нечего было ему дѣлать въ осадѣ, и вся государственная дѣятельность перешла къ Скопину, который одинъ дѣйствовалъ, потому что отъ него одного зависѣло великое дѣло избавленія московской Руси отъ враговъ ея.

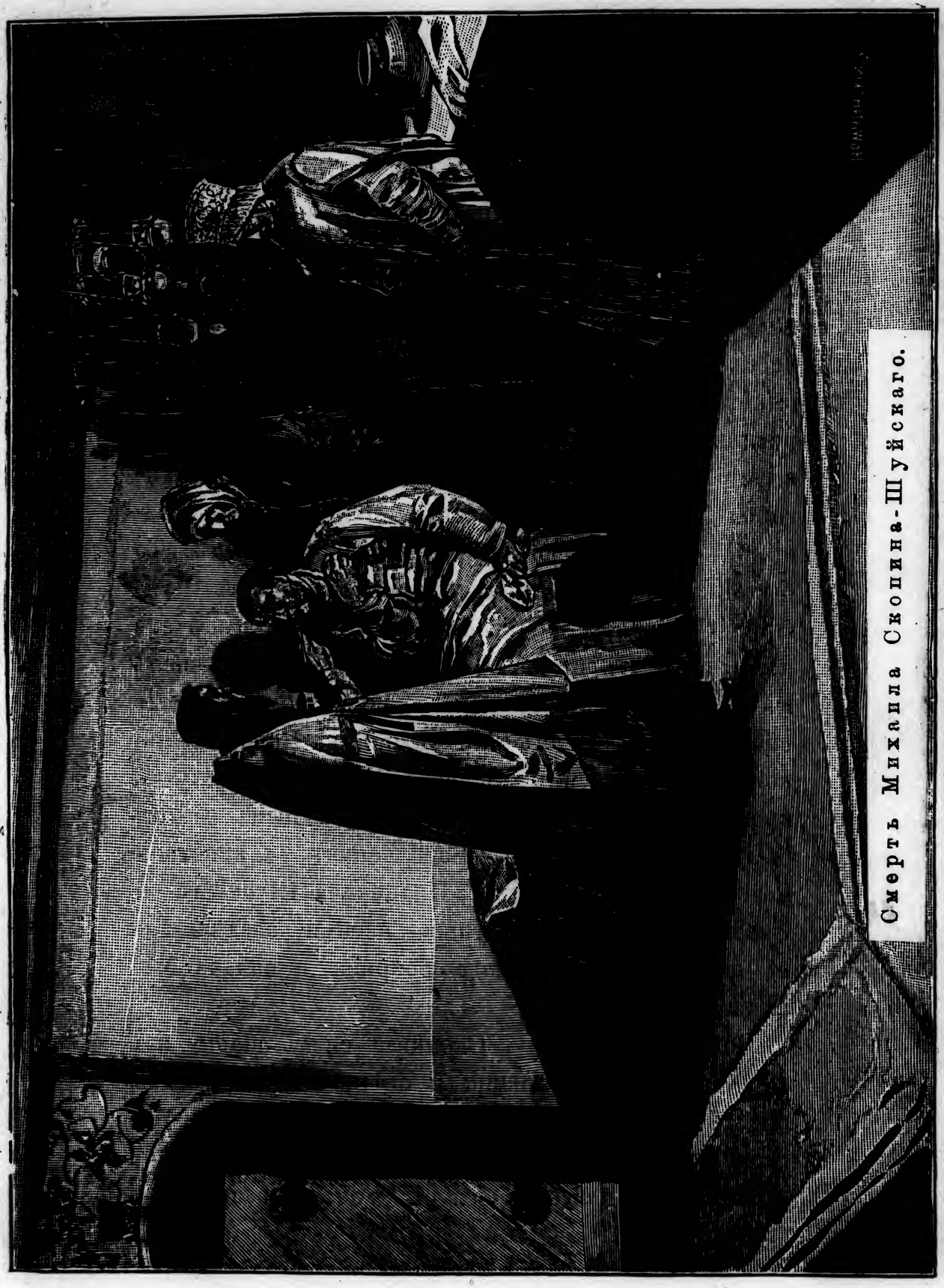
Когда еще юный герой шелъ на избавленіе Москвы и сталъ приближаться къ ней, тушинцы поспѣшили отступить передъ нимъ. Тогда въ Москвѣ былъ сильный голодъ, волненіе, но вдругъ все стихло; зазвонили въ колокола, народъ сталъ спѣшить въ церкви, гдѣ запѣли благодарственные молебны; то вѣсть пришла, что любимый воевода русскаго народа недалеко отъ Москвы.

До насъ дошло любопытное извѣстіе, что царь Василій такъ былъ пораженъ сценою встрѣчи Скопина народомъ, выраженіемъ народной любви и преданности, что выслалъ сказать ему, чтобы онъ прежде, чѣмъ отправиться домой, заѣхалъ въ крѣпость, гдѣ, поблагодаривъ его за услугу, оказанную имъ московскому государству, упрекнулъ, однако, за то, что онъ замышляетъ лишить его престола. Говорятъ, что, отказавшись отъ подобной мысли, Скопинъ, будучи отъ природы человѣкомъ правдивымъ и искреннимъ, въ пылу объясненія, совѣтовалъ, однако, и Василію оставить царство, такъ какъ счастіе не благопріят-

ствуетъ его правленію, а потому, необходимо избрать другого царя — царской крови. Царь Василій будто бы согласился съ нимъ.

Въ современной же депешѣ французскаго агента (то-есть представителя торговыхъ интересовъ Франціи въ московскомъ государствѣ) читаемъ слѣдующее не менѣе интересное мѣсто: „Говорятъ, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій, будучи самъ весьма богатъ и могуществен, намѣренъ оставить власть и позволить чинамъ свободное избраніе, при чемъ полагаютъ, что Скопинъ предпочтенъ будетъ всѣмъ“.

Донесеніе французскаго агента писано три съ половиною недѣли спустя со дня вступленія Скопина въ Москву, и почти за три недѣли до его смерти, а такъ какъ онъ проболѣлъ около двухъ недѣль, то и событія, о которыхъ сообщаетъ депеша, происходили всего за нѣсколько дней до болѣзни Скопина. Объ усиленіи враждебнаго отношенія царя Василія и его братьевъ къ юному герою—къ князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому — свидѣтельствуетъ также слѣдующее современное извѣстіе, сообщенное изъ Москвы польскому королю Сигизмунду. „Велижскій староста (то-есть староста одного изъ польскихъ городовъ) далъ знать въ королевское войско, что изъ Ржева пришло извѣстіе, что Скопинъ и Василій Шуйскій дѣлали у столицы примѣрное сраженіе, что дѣло дошло до серьезной битвы и что съ обѣихъ сторонъ пало не мало людей“.



Смерть Михаила Скопина-Шуйскаго.

IX.

Былъ теплый весенній день. Подъ вліяніемъ лучей апрѣльскаго солнца (описываемый день былъ днемъ 9 апрѣля 1610 года) сѣроватаго оттѣнка снѣгъ быстро таялъ на улицахъ, площадяхъ и переулкахъ города Москвы и широкимъ потокомъ несся по тѣмъ изъ нихъ, которые образовывали нѣкоторую покатость. У крыльца небольшого деревяннаго, но украшеннаго рѣзьбою въ русскомъ вкусѣ домика по Мясницкой улицѣ, близъ Китай-города, остановился красивый лицомъ юный всадникъ, съ высокою грудью и широкоплечій. То былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Соскочивъ со своего коня и привязавъ его къ одному изъ столбовъ крыльца, князь вошелъ въ сѣни, гдѣ его встрѣтилъ хозяинъ дома, царскій своякъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, который пригласилъ къ себѣ Скопина по случаю крещенія своего сына Алексѣя. Крестнымъ отцомъ былъ князь Михаилъ Васильевичъ, а крестною матерью жена Димитрія Ивановича Шуйскаго — Екатерина, дочь извѣстнаго своими злодѣяніями въ царствованіе Грознаго боярина и палача Малюты Скуратова.

Войдя въ горницу, Скопинъ снялъ шапку изъ мѣха чернобурой лисицы и осѣнилъ себя трижды крестнымъ знаменіемъ передъ иконой Божіей Матери, находившейся въ правомъ углу горницы; затѣмъ онъ поздоровался съ женою хозяина, съ

княгинею Воротынскою, съ женою князя Димитрія Шуйскаго — съ Екатериною Скуратовой, которая была одѣта въ широкое платье краснаго цвѣта (называвшееся въ старину опашнемъ), застегнутое спереди большими золотыми пуговицами; на головѣ ея была такъ называемая земская шапка изъ золотой парчи, съ богатою мѣховою опушкою, украшенная жемчугомъ и каменьями, въ ушахъ виднѣлись большія золотыя серьги съ драгоцѣнными камнями, на шеѣ — ожерелье, украшенное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; на рукахъ — запястье изъ жемчуга и дорогихъ каменьевъ; на ногахъ — сапожки изъ желтой кожи, вышитые жемчугомъ. Съ перваго взгляда княгиня Екатерина Шуйская могла произвести на посторонняго наблюдателя очень пріятное впечатлѣніе: большіе каріе глаза, правильныя черты лица не оставляли желать ничего лучшаго; но когда улыбалась она, тонкія губы какъ-то непріятно искривлялись, и на всемъ ея лицѣ наблюдался какой-то отпечатокъ чего-то недобраго, неискренняго и безсердечнаго отношенія къ окружающимъ людямъ; когда же она начинала сердиться или была недовольна чѣмъ-нибудь, то въ ея глазахъ загорался недобрый, зловѣщій огонекъ; въ такія минуты ея сердце дѣлалось недоступнымъ чувству милосердія и сожалѣнія. По тому впечатлѣнію, какое производило на внимательнаго наблюдателя лицо Екатерины Шуйской, это послѣднее представляло совершенную противоположность съ внѣшностью Михаила Скопина. Чѣмъ больше кто всматривался въ лицо

юнаго героя, въ его умные и добрые глаза и любовался его въ высшей степени пріятною и добродушною улыбкою, тѣмъ больше находилъ внѣшность Скопина пріятною и симпатичною; пріятною вслѣдствіе умнаго и добраго выраженія его красивыхъ глазъ, симпатичною — по причинѣ добродушнаго вида всего лица, когда онъ улыбался. Наоборотъ, чѣмъ пристальнѣе кто вглядывался въ лицо княгини Екатерины Шуйской, тѣмъ больше тотъ наблюдалъ недоброе по временамъ зловѣщее выраженіе ея красивыхъ по формѣ и цвѣту глазъ; чѣмъ чаще искривлялись ея тонкія губы, когда она улыбалась, тѣмъ болѣе отталкивающее впечатлѣніе производило ея лицо.

Поздоровавшись съ ея мужемъ — Димитріемъ Шуйскимъ, Скопинъ вмѣстѣ съ княземъ Воротынскимъ отошелъ въ сторону, разспрашивая о здоровьѣ его жены и новорожденнаго сына.

Вскорѣ, послѣ прибытія худощаваго сѣдовласаго священника отца Арсенія и довольно плотнаго дьякона Петра, который не безъ удовольствія поглядывалъ на столъ, уставленный всякаго рода яствами и питіями (напитками), приступили къ совершенію таинства крещенія новорожденнаго младенца, сына князя Воротынскаго, которому дали имя Алексѣй.

По совершеніи таинства крещенія, хозяинъ дома пригласилъ всѣхъ присутствующихъ отвѣдать приготовленныхъ имъ всякаго рода яствъ и напитковъ. Словоохотливый старичокъ-священникъ

Арсеній мало пилъ и ѣлъ, но много говорилъ и въ своихъ разсказахъ больше всего касался злобы дня того времени, а именно о движеніи польскаго короля Сигизмунда къ Смоленску, о расправѣ съ тушинскимъ воромъ и его разбойничьими шайками, при чемъ неоднократно онъ спрашивалъ князя Скопина, когда предполагаетъ этотъ послѣдній двинуть противъ поляковъ русскую и шведскую рать. Дьяконъ Петръ мало принималъ участія въ общемъ разговорѣ, а больше размышлялъ о томъ, чего бы ему еще выпить и закусить.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, хотя охотно отвѣчалъ на вопросы, задаваемые ему отцомъ Арсеніемъ, но по мрачному выраженію его лица и по озабоченному его виду можно было догадаться, что какое-то тяжелое предчувствіе давило его грудь и щемило его чуткое сердце.

Князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій, вставляя изрѣдка свои невсегда удачныя и далеко не мѣткія замѣчанія въ общій разговоръ, сидѣлъ съ такимъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ чего-то ожидалъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

Вдругъ среди разговора, во время котораго священникъ Арсеній заспорилъ съ княземъ Воротынскимъ по вопросу о томъ, что не нужно откладывать до наступленія лѣта похода противъ поляковъ, княгиня Екатерина Шуйская, обратясь къ Скопину, сказала:

— Что же ты, нашъ князь дорогой Михаилъ Васильевичъ, ничего ни ѣшь ни пьешь и не ве-

селъ сидишь! Словно недоволенъ ты угощеніями хлѣбосольнаго хозяина князя Воротынскаго! Или, быть-можетъ, кручина, тоска злая, гложетъ сердце твое и не даетъ тебѣ покоя? Брось, дорогой князь, грустить и кручиниться! Не мѣсто и не время намъ съ тобой здѣсь, на пиру, этимъ заниматься! Своимъ грустнымъ и мрачнымъ видомъ мы не должны наводить тоску на хозяина и хозяйку, на князя и княгиню Воротынскихъ! Лучше выпьемъ, милый куманекъ, за ихъ здоровье, чтобы имъ здравствовать многія лѣта, а намъ съ тобой еще много разъ пировать у нихъ на крестинахъ! Давай-ка сюда твою чашу, добрѣйшій нашъ князь Михаилъ Васильевичъ. Я наполню ее медомъ хмельнымъ, а ты выпивай ее до дна хозяевамъ во здравіе, а себѣ на веселіе!

Скопинъ, не подозрѣвая ничего дурного и злого со стороны княгини Шуйской, подалъ ей свою чашу, которую та наполнила медомъ изъ особаго небольшого сосуда, принесеннаго ею изъ сосѣдней комнаты; и, пожелавъ хозяевамъ — князю и княгинѣ Воротынскимъ — здравствовать еще многія лѣта, выпилъ до дна свою чашу. Въ первый моментъ лицо князя Скопина нѣсколько оживилось, въ его прекрасныхъ и добрыхъ глазахъ стало наблюдаться больше блеска, и самъ онъ съ большимъ оживленіемъ сталъ отвѣчать на безпрестанные вопросы неугомоннаго старичка - священника, который своими рѣчами какъ бы хотѣлъ заглушить звонкое чавканіе и причмокиваніе дьякона Петра, ѣвшаго и пив-

шаго съ большимъ аппетитомъ и съ великою неутомимостью.

Но не прошло и полчаса съ того момента, какъ Скопинъ осушилъ чашу вина, поднесенную ему кумою, какъ смертельная блѣдность покрыла его лицо, и блестящіе глаза его потускнѣли; у него открылось кровотеченіе носомъ и ртомъ. Увидя то, всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ. Даже дьяконъ поторопился встать, но, вставая, онъ поспѣшилъ осушить свою чашу до дна.

По совѣту хозяина дома — князя Воротынскаго, больного Скопина отвели въ ближайшій Спасскій монастырь, откуда его перенесли домой. Онъ проболѣлъ около двухъ недѣль; продолжительная болѣзнь сопровождалось лихорадкою, „терзаніемъ сердца“ и страшными желудочными болями. Несмотря на помощь, оказанную докторами, присланными его другомъ Делагарди, онъ скончался въ ночь съ 23 на 24 апрѣля, на рукахъ своей матери и жены.

Слухъ объ отравѣ быстро распространился по Москвѣ; на брата царя Василія — на Димитрія Шуйскаго — указывали, какъ на виновника отравленія. Пришедшій въ ярость народъ хлынулъ въ домъ послѣдняго, угрожая разорить его и убить Димитрія Шуйскаго съ женою, и, если бы не войско, посланное царемъ ему на выручку, то ему трудно было бы избѣжать мести.

Простой народъ не безъ основанія подозрѣвалъ князя Димитрія Шуйскаго въ отравленіи Скопина. Онъ, Димитрій, постоянно лелѣялъ мысль, по

смерти царя Василія, заступить его мѣсто. Это льстило его честолюбію, которое, какъ извѣстно, людей порочныхъ, забывшихъ страхъ Божій, влечетъ къ крайнимъ средствамъ для достиженія цѣли. Гордость же князя Димитрія не знала предѣловъ. Подчиненные ненавидѣли его за недоступность и презрительное отношеніе къ нимъ; самъ онъ заботился лишь объ удовлетвореніи своей страсти къ роскоши, тогда какъ общее положеніе дѣлъ требовало постоянныхъ жертвъ.

По мнѣнію голландца Геркмана, бывшаго въ Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и собиравшаго свѣдѣнія о важнѣйшихъ дѣятеляхъ Смутнаго времени отъ современниковъ-очевидцевъ, начало возникновенія вражды Димитрія Шуйскаго къ Скопину относится ко времени порученія этому послѣднему главнаго начальства надъ войскомъ. Суждено было исполниться предсказанію жены Скопина, Александры Васильевны, которая умоляла своего мужа отказаться отъ главнаго начальства надъ союзнымъ русско-шведскимъ войскомъ, при чемъ предупреждала, что если не послѣдуетъ съ его, князя, стороны отказа отъ начальства надъ московскою ратью, то ненависть, зависть и злоба его недобраго дяди Димитрія могутъ погубить его. И, дѣйствительно, тяжелое предчувствіе нѣжно любящей супруги Скопина оправдалось скорѣе, чѣмъ ожидали того его родные, друзья и товарищи. Еще при торжественномъ вступленіи князя Скопина въ Москву, князь Димитрій Ивановичъ Шуйскій, стоя на городскомъ валу

и издали завидѣвъ племянника, воскликнулъ: „Вотъ идетъ мой соперникъ!“ — такъ что всѣ близъ стоявшіе обратили вниманіе на подобный выкрикъ царскаго брата. По прибытіи Скопина въ Москву враждебное отношеніе къ нему князя Димитрія и его жены было замѣчено многими современниками. Они старались убѣдить царя Василія, что онъ, Скопинъ, ищетъ царства, и свою власть признаетъ равною царской, какъ это видно, между прочимъ, изъ того, что онъ, по словамъ князя Димитрія, самовольно сдалъ шведамъ городъ Корелу.

Погребеніе князя Михаила Васильевича Скопина совершено было съ большою торжественностію. Когда тѣло покойнаго князя лежало, приготовленное къ погребенію, пріѣхалъ шведскій полководецъ Делагарди проститься. Москвичи не хотѣли было дозволить ему, какъ неправославному, приложиться къ усопшему, но шведскій военачальникъ заявилъ, что онъ имѣетъ на это право, какъ его другъ и товарищъ. Его пустили. Взглянувъ на усопшаго, Делагарди прослезился и сказалъ:

— Московскіе люди! Не только на Руси, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ больше такого человѣка!

Многочисленная толпа народа провожала останки своего любимаго воеводы съ великимъ плачемъ и рыданіемъ. Гробъ несли товарищи его ратныхъ подвиговъ. За ними слѣдовали вдовы, сестры и дочери убитыхъ въ послѣднемъ бою служилыхъ

людей; онѣ поддерживали мать и вдову покойника, которыя неоднократно теряли сознаніе, такъ велико было ихъ сердечное горе, такъ невыносимы и тяжелы были ихъ душевныя муки. Еще долго послѣ того горемычная мать и вдова не могли помириться съ тою мыслію, что нѣтъ больше въ живыхъ столь нѣжно любимаго ими сына и мужа, что нѣтъ того, который другихъ, особенно простой народъ и простыхъ воиновъ, любилъ больше, чѣмъ самого себя, и готовъ былъ для спасенія своего ближняго пожертвовать во всякое время своей жизнію, и за то онъ, Скопинъ, былъ любимъ и обожаемъ народомъ такъ, какъ никто изъ его современниковъ.

Въ числѣ лицъ, слѣдовавшихъ за гробомъ юнаго героя, находился и самъ царь Василій; онъ проливалъ, повидимому, горькія слезы и страшно вопилъ. Тѣло Скопина предполагалось отвезти въ родную усыпальницу, въ Суздаль; но вслѣдствіе опасности отъ поляковъ и разбойничьихъ шаекъ тушинскаго вора рѣшено было поставить его до времени въ Чудовомъ монастырѣ. Такого рода рѣшеніе московскаго правительства вызвало въ простомъ народѣ, почитавшемъ князя Скопина больше, чѣмъ царя, великое неудовольствіе. Царь Василій, узнавъ о томъ, приказалъ похоронить прахъ столь любимаго народомъ военачальника въ Архангельскомъ соборѣ, въ новомъ придѣлѣ св. Іоанна Предтечи, гдѣ онъ остается и до сихъ поръ. Въ этомъ придѣлѣ только и есть одна гробница Скопина-Шуйскаго, сложенная,

какъ и царская, изъ кирпича. Надписи на ней нѣтъ. На стѣнѣ же помѣщенъ портретъ ($9^1/_2$ вершковъ вышины и 8 ширины), писанный на липовой доскѣ, стариннымъ письмомъ; въ верхней части изображеніе Нерукотвореннаго образа и надпись имени князя Скопина.

Съ быстротою молніи облетѣла московскую Русь печальная вѣсть, что не стало лучшаго воеводы, спасителя русской земли... Кончина Скопина повергла въ глубокую скорбь многихъ московскихъ людей, но особенно тяжелымъ и чувствительнымъ ударомъ, она была для простого народа, и ударомъ, надо замѣтить, послѣдовавшимъ въ то время, когда послѣ нѣсколькихъ пережитыхъ имъ тяжелыхъ годинъ Смутнаго времени возродилась, было, у него великая надежда на лучшее будущее, на умилостивленіе небесное. Столь неожиданная кончина юнаго героя казалась многимъ явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣрную гибель, лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души простыхъ людей, *одинъ* могъ спасти государство, которому въ эпоху Смутнаго времени угрожала величайшая опасность со стороны внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Но въ городѣ Москвѣ нашлось нѣсколько человѣкъ, которые не раздѣляли общенародной скорби и печали по случаю преждевременной кончины юнаго героя Михаила Васильевича Скопина. Къ числу этихъ немногихъ завистниковъ и ненави-

стниковъ народнаго любимца относились и братья Шуйскіе, особенно Димитрій. Но ихъ ликованіе и преступная радость въ виду постигшаго русскій народъ несчастія (современники Скопина иначе не понимали его преждевременную кончину) были непродолжительны.

Вскорѣ послѣ смерти князя Скопина 4800 русскаго и 8000 шведскаго войска подъ предводительствомъ Димитрія Шуйскаго и шведскаго военачальника Делагарди выступили къ Смоленску противъ поляковъ. 24 іюня 1610 года поляки, подъ начальствомъ Жолкѣвскаго, нанесли пораженіе русскимъ подъ Клушинымъ, благодаря измѣнѣ нѣмцевъ и нераспорядительности русскаго полководца. Нѣмцамъ позволено было отступить къ границѣ, а русскіе бѣжали, преслѣдуемые поляками. Современники русскаго и иноземнаго происхожденія виновникомъ этой неудачи московской рати признаютъ князя Димитрія Шуйскаго, который не хотѣлъ, между прочимъ, дать денегъ наемному войску, когда деньги у него были, вслѣдствіе чего нѣмцы измѣнили. Князь Димитрій остался вѣренъ себѣ и въ этой роковой битвѣ. По словамъ Жолкѣвскаго, онъ бѣжалъ поспѣшно, хотя немногіе его преслѣдовали; его конь завязъ въ болотѣ, а онъ потерялъ обувь, и босой, на тощей крестьянской клячѣ, пріѣхалъ подъ Можайскъ въ монастырь. Тамъ, доставъ лошадей и обувь и посовѣтовавъ жителямъ Можайска просить у непріятеля пощады, отправился дальше и безостановочно ѣхалъ до Москвы.

Между тѣмъ противъ брата князя Димитрія, а именно противъ царя Василія Шуйскаго, поднялась недобрая туча съ другой стороны. Едва разошлась вѣсть о смерти Скопина, какъ Ляпуновъ завязалъ уже переговоры и съ тушинскимъ воромъ, и съ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ о сверженіи царя, и съ городами, вѣрными послѣднему, чтобы отклонить ихъ отъ него. То была „месть“ съ его стороны царю Шуйскому „за смерть Скопина“, встрѣтившая полное сочувствіе въ самой Москвѣ. Многіе уже вступили въ переговоры со сторонниками тушинскаго вора въ пользу Сигизмунда. Видя такой поворотъ дѣла, царь Шуйскій и самъ хотѣлъ завязать сношенія съ Жолкѣвскимъ и рѣшить свою участь посредствомъ переговоровъ. Но Ляпуновъ предупредилъ его. По его почину, братъ его Захарій съ нѣсколькими единомышленниками начали дѣло низложенія Шуйскаго, и, послѣ приговора бояръ и народа, насильно совершили надъ нимъ постриженіе (19 іюля 1610 г.). Псковскій лѣтописецъ паденіе Шуйскаго считаетъ прямымъ слѣдствіемъ смерти Скопина и неудачной битвы Димитрія Шуйскаго. Въ приговорѣ боярской думы, состоявшемся при низложеніи царя Василія, было постановлено, чтобы братья его не присутствовали болѣе въ ней, но при этомъ, во избѣжаніе болѣе дурныхъ послѣдствій, сочли нужнымъ обезпечить какъ царю и его женѣ, такъ и обоимъ его братьямъ неприкосновенность жизни. Это было необходимо въ виду того, что послѣ бѣгства Ди-

митрія Шуйскаго въ Москву, народная молва обвиняла Шуйскихъ въ разореніи государства, а его братьевъ — въ погубленіи Скопина.

— Тебя ради, — говорили царю Василію, — кровь христіанская проливается и земля раздѣлилась, потому что ты воцарился не по избранію всей земли. Твои же братья своего племянника, а нашего государя оборонителя и заступника, отравою окормили. Къ кому теперь прибѣгнемъ? Нѣтъ у насъ болѣе надежды. Сойди съ царства, и соединится наша земля!

Заслуги Скопина вызвали, напротивъ, признаніе русской земли. Въ приговорѣ 13 іюня 1611 г., въ которомъ былъ поставленъ пересмотръ вотчинъ (т.-е. наслѣдственныхъ владѣній) и помѣстій (т.-е. пожизненныхъ владѣній), доставшихся московскимъ людямъ въ Смутное время, сподвижники Скопина были ограждены отъ всякаго посягательства на ихъ права.

Насколько книжники, жившіе во время правленія царя Василія, враждебно и непріязненно относились къ памяти братьевъ Шуйскихъ, настолько дружелюбно относились они къ памяти князя Скопина. Такъ, современные ему лѣтописцы не находили словъ для болѣе яркаго изображенія общенародной скорби и печали по случаю преждевременной и совершенно неожиданной кончины юнаго героя; эти лѣтописцы говорятъ, что современники оплакивали Скопина столь же неутѣшно, какъ царя Ѳеодора Ивановича.

Высоко цѣня умственныя и нравственныя достоинства покойнаго князя, современные ему книж-

ники сравнивали его съ героями древняго міра, а именно съ Гекторомъ (сынъ троянскаго царя Пріама), и называли его Ахиллесомъ россійскимъ, прославляя за безпримѣрную милость, привѣтливость, кротость, при чемъ книжники выставляли на видъ, что огорчать или презирать людей было мукою для его добраго сердца.

Только такими свѣтлыми чертами въ характерѣ князя Михаила Васильевича Скопина и можно объяснить любовь народную къ нему и ту добрую память, которая перешла о немъ въ потомство, сохранившись въ народной поэзіи. Въ своихъ пѣсняхъ народъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на любовь князя къ своему ближнему, но особенно къ меньшей братіи (т.-е. къ простому народу), на его безкорыстіе и отсутствіе въ немъ властолюбія, на его незлобивый характеръ и мягкосердечіе, а также на его беззавѣтную преданность православію и на его горячую любовь къ родинѣ, избавленіе которой отъ угрожавшей ей опасности со стороны враговъ и составляла главную задачу его дѣятельности. Голландскій писатель Геркманъ сообщаетъ, что уже во время пребыванія его въ Москвѣ были распространены въ народѣ пѣсни объ участи Скопина. Одна изъ нихъ дошла до насъ въ собраніи пѣсенъ, записанныхъ англійскимъ ученымъ Ричардомъ Джемсомъ, который, въ качествѣ священника при посольствѣ, находился въ Россіи въ 1619—1620 гг. Въ этой пѣснѣ народному сѣтованію о кончинѣ знаменитаго воеводы противопо-

лагается злорадство бояръ: плачутъ москвичи, у которыхъ не стало защитника, плачутъ и „свейскіе нѣмцы“, его соратники, а князья Мстиславскій и Воротынскій усмѣхаются, приговаривая:

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Другая пѣсня передаетъ его подвиги и обстоятельства внезапной смерти слѣдующимъ образомъ:

Въ сто седьмомъ году осьмой тысячи
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства московскаго
Литва облегла во всѣ четыре стороны,
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе;
А нельзя ни пройти ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
А ни соколомъ вонъ вылетати
Изъ сильна царства московскаго
И великаго государства россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
Онъ правитель царству московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свято-русскія,
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ;
Выѣзжалъ воевода московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣгородѣ,
Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Походилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во свицкую (т.-е. шведскую) землю саксонскую,
Ко любимому брату названному,

Ко свицкому (т.-е. шведскому) королю Карлосу (т.-е. Карлъ IX).

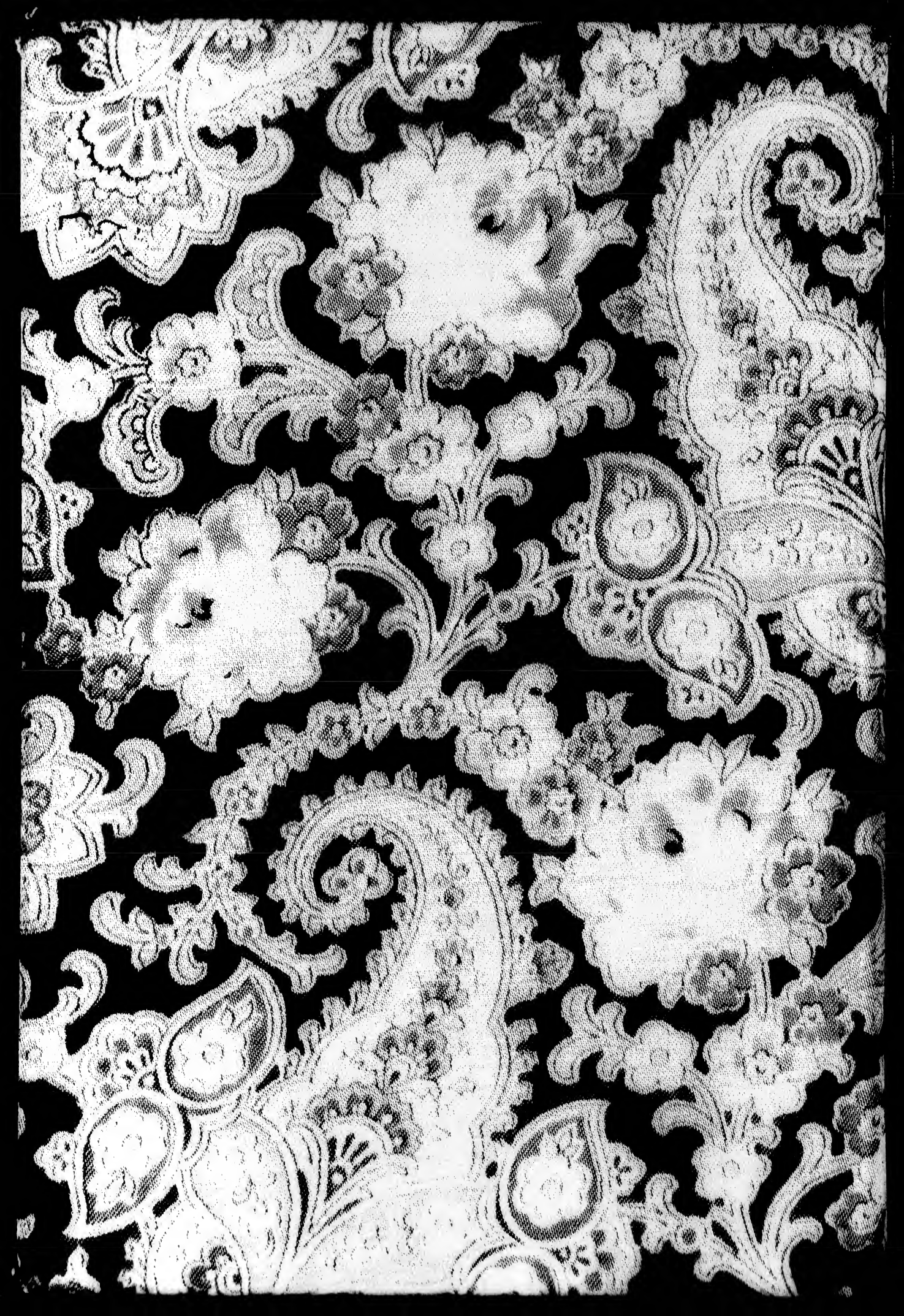
А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названный братъ,
А ты свицкой король Карлосъ!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость,
А и дай мнѣ силы на подмочь;
Наше сильно царство московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города русскіе".
А съ ярлыками послалъ скораго почтаря,
Своего любимаго шурина, —
А того Митрофана Фунтосова.
Какъ и будетъ почтарь
У честна короля, честнаго Карлоса,
Онъ выѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко свицкому королю Карлосу;
Середи двора королевскаго
Скочилъ почтарь со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ почтарь ни замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Расковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши, король распечатываетъ,
Распечатавъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ:
„Отъ мудрости слово поставлено
Отъ любимаго брата названнаго,
Скопина князя Михайлы Васильевича,
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города русскіе".
А честной король, честной Карлосъ
Показалъ ему милость великую,
Отправилъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то свицкія (т.-е. шведскія),
А и другія силы саксонскія,
Того ратнаго люду ученаго,
А не много, не мало—сорокъ тысячей.
Прибыла сила во Новгородъ,

Изъ Новагорода въ каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло,
А поутру рано-ранешенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ — самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи было написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся туто сила небесная.
А кому будетъ Божья помочь —
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу:
Онъ очистилъ (отъ враговъ) царство московское
И великое государство россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ,
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую;
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ
И пиръ пошелъ и великой столъ
У Скопина князя Михайла Васильевича
Про весь православный міръ;
И велику славу довѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
А того ли было князя Воротынскаго —
Крестили младого княжевича,
А Скопинъ князь Михайла кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Туто было много князей и бояръ и званыхъ гостей;
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкой столъ во полу-столѣ,
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатствомъ;
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,

А не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкій медъ,
Не съ большого хмелю онъ подхвастается:
„А вы все похваляетесь бездѣлицей!
Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство московское
И велико государство россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ довѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго довѣку моего".
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Примаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
„Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А знаючи мнѣ стаканъ со зельемъ подала —
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!"
Голова съ плечъ покатилася.
Онъ тутъ, Скопинъ, скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился, Скопинъ, на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею скоро проститися,
И матушка ему пенять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался...
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова!"
Онъ къ вечеру, Скопинъ, и преставился.

Отвѣчая на вопросъ — почему русскій народъ въ своихъ пѣсняхъ съ такою любовью относится къ князю Скопину-Шуйскому?—нельзя не обратить вниманія на его сходство съ любимыми героями древней Руси. Подобно Владиміру Святому, Ильѣ Муромцу, Садкѣ богатому купцу и др., Скопинъ отличался своею близостью къ простому народу и сердечнымъ расположеніемъ къ нему; во всѣхъ его дѣяніяхъ, направленныхъ главнымъ образомъ на благо народное и на пользу его родины, наблюдается твердое рѣшеніе руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ одною изъ главныхъ заповѣдей Христовыхъ — о любви къ ближнему. Едва ли когда-нибудь народъ забудетъ такого истиннаго представителя „Святой Руси“, какимъ является въ нашихъ глазахъ Скопинъ-Шуйскій.

Конецъ.

W381.5917N-Se57a

W117160